

Галина Вольская

Дом
на берегу

Галина Вольская

Дом на берегу

«Издательские решения»

Вольская Г.

Дом на берегу / Г. Вольская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936563-7

Девочка из внешне вполне благополучной семьи в небольшом провинциальном городе, не очень подготовленная к жизни, начинает самостоятельную учебу, работу. С чем ей пришлось столкнуться в советское время, в период перестройки, о жизни ее и ее семьи рассказывается в этой книге. События и имена в мемуарах «Дом на берегу» подлинные, в рассказах более подробно описываются некоторые эпизоды.

ISBN 978-5-44-936563-7

© Вольская Г.
© Издательские решения

Содержание

Дом на берегу	6
1. Детство	6
2. Отец	14
3. Школа	18
4. Университет	26
5. Володя	31
6. Болезнь. Толя	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дом на берегу

Галина Вольская

Редактура Сергей Сергеевич Лихачев

Редактура Наталья Викторовна Харитоновна

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Галина Вольская, 2019

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-6563-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дом на берегу

Светлой памяти моего любимого отца посвящаю

1. Детство

Дома, как и люди, живут своей жизнью: рождаются, взрослеют, стареют и умирают.

Мне довелось пережить свой дом. А родился он, когда женился мой дедушка. Об этом сообщают документы, которые столько раз попадались мне на глаза среди других бумаг в зеленом сундучке из жести. «Петр Леонтьевич Тарасов выделяет участок для постройки дома Попову Тимофею Марковичу...».

Большой, высокий дом Тарасовых с каменным низом, деревянным верхом и четырехскатной шатровой крышей стоит рядом с нашим домом на углу квартала. Петр Леонтьевич Тарасов был арендатором, брал в аренду земли, занимался их обработкой. Попов Тимофей Маркович, мой дедушка, жил на квартире в этом доме после службы в армии. Уходил на службу он из села, был сиротой, назад в село не вернулся, не к кому. Тимофей женился на дочери хозяина Зинаиде, моей бабушке, отстроил дом на выделенном участке, жил рядом с родителями жены. Кроме Зинаиды у Петра был сын Александр, который женился на Шуре, девушке также из села, но достаточно грамотной, образованной по тем временам. Именно она жила одна в большом, угловом доме в период моего раннего детства.

Тимофей отличался очень вспыльчивым характером. Выметет, бывало дочиста двор, сядет отдохнуть, и вдруг курица нагадит прямо возле его ног. Не сдержится, стукнет ее ручкой метлы и идет с виноватым видом к жене:

– Зина, здесь вот курица... Свари из нее суп хотя бы.

– Опять! Ну что же ты, Тимофей, у нас скоро совсем кур не останется!

На родительские собрания к детям он не ходил:

– Зина, ты лучше сама, а то ведь я пришибить могу.

Работал он контролером на железной дороге, периодически уезжал в рейсы. Зина занималась домашним хозяйством, хорошо шила, могла шить на заказ. У них умерли один за другим пятеро детей, причем двое за одну неделю. Умерла от дизентерии пятилетняя девочка, а семилетний ее брат очень плакал:

– Как же мы без нее теперь будем?

Похоронили ее. Тимофей уехал в рейс. Приезжает, а в доме еще гроб стоит, умер и этот мальчик. Бабки обступили, стали утешать:

– Бог тебя любит, детей к себе забирает

Он собрал все иконы, разрубил в мелкие щепки:

– Пусть бог меня не любит, пусть дети живут!

Мой отец Павел и его сестра Нина появились уже после этого, когда Тимофей и Зина были уже в достаточно зрелом возрасте. Икон в нашем доме не было, в церковь бабушка не ходила, и я никогда не слышала, чтобы она молилась.

Тетя Нина говорила, что дедушка был похож на Горького, показывала маленькую фотографию, но она не сохранилась. В сундуках попадались тетради, блокноты и разлинованные книги в картонных обложках, заполненные красивым почерком черными чернилами с нажимом и волосяными линиями (нас еще учили так писать в школе ручками с железными перьями). Дедушка переписывал песни, вел дневники и даже записывал письма, отправленные и полученные им. Эта страсть к бумагомаранию в какой-то степени передалась моему отцу, Славе и мне. А тетя Нина любила рассказывать «истории». «Историй» она знала множество

про разных людей и почти на каждый случай, о котором заходила речь в разговоре, у нее находилась своя «история». Моя мать злилась на нее за это, говорила, что она все время врет, та отвечала: «Я не вру, я фантазирую».

Жила семья отца средне, не богато, не бедно. Дед умер в самом начале войны, когда моему отцу было 17 лет, а тете Нине и того меньше. Отец бросил девятый класс школы, устроился на работу. А, как только позволил возраст, отец пошел добровольцем на войну. На передовую, правда, не попал, учился в артиллерийском училище, потом воевал на 2-ом украинском, прошли победным маршем по Польше, Чехословакии. Мальчишки упивались победой, в одном из домов рояль в окошко выбросили, где-то умывались шампанским. Лицом к лицу с врагом сталкиваться ему не довелось, работали с приборами, стреляли издалека. После войны дослуживал в Томске, там и познакомился с моей матерью Евдокией. А ее из села Кривошеино Томской области забрали в город на обязательные работы. В бригаде таких же сельских девчат она таскала батареи центрального отопления, помогала сантехникам. Солдатики прибежали к ним в увольнение, Павел оказался самым хозяйственным из них: и дрова поможет наколоть, и снег уберёт. Дуся танцевала очень легко, летала, как перышко. Станцевать с ней хотели многие, но Павел никого не подпускал. Срок службы подходил к концу, нужно было возвращаться домой, а Дуся ждала ребенка. Можно и бросить, конечно, не жена, не расписаны, многие так и делали, отец не смог. Повез ее к себе, не сообщив ничего матери. Добирались долго, как придется, любым попутным транспортом. Приехали. Мать посмотрела на сноху, черную от паровозной гари с большим животом, заплакала и ушла. В доме ничего нет, книги Тимофея пришлось продавать, чтобы как-то прокормиться, а тут еще и ребенок. Мать же на всю жизнь сохранила обиду за неласковую встречу. И золовку невзлюбила с первых же дней. Родился у них сначала Слава, мой брат. Ну а меня совсем не хотели, но аборт тогда официально не разрешали, о средствах предохранения даже не слышали, опыта никакого не было, вот я и появилась через два года после брата.

Мама из большой семьи, детей там было пятеро, она старшая. Воспоминания о своем отце у нее смутные. Вроде бы он был офицером, приехал в Сибирь издалека, женился на молодой девушке Пелагее, был значительно старше ее. Фамилия его была Пешков. Когда у них уже было пятеро детей, он вдруг получил письмо от бывшей жены, она просила его вернуться. Выяснилось, что пока он был в армии, у его жены родилась от кого-то еще одна дочь, это заставило его уехать от семьи. Пелагея об этом ничего не знала. Он был высокий, красивый, грамотный. Болел цингой, выпали все зубы, лучший кусок в семье всегда был для него. В начале войны его уже не было в живых. Интересно, что уже после его смерти бывшая жена приехала, познакомилась с Пелагеей, они стали подругами. К детям Пелагеи эта женщина относилась очень хорошо.

В моем детстве мы только один раз ездили в Сибирь к родне матери. Слава уже учился в школе, я осенью должна была пойти в первый класс. Добирались очень долго, на пароходе, потом на поезде, опять на пароходе. В Кривошеино тогда не было даже электричества, большая семья собиралась за столом во дворе при тусклом свете керосиновых ламп. Тайга подступала прямо к дому бабушки. На дне оврага возле дома росли заросли черной смородины, на другой стороне оврага высились высоченные кедры. Переправлялись через Обь в обласах – юрких, неустойчивых лодках, выдолбленных из целого куска дерева. Они переворачивались при любом резком движении, сидеть в них надо было очень смиренно. Трава в тайге была выше меня ростом, хмель обвивал стволы деревьев. Кедровые шишки бросали в печь на угли, чтобы вытопить смолу, после этого доставали их орехи. Тротуары в селе были сделаны из длинных досок.

Трудно сказать была ли настоящая любовь между моими родителями. В дневнике отца, на который я наткнулась в ящике шифоньера, встречались строчки о том, что он не собирался жениться, получилось все очень нелепо. Женился только из-за того, что Дуся ждала ребенка,

и Павлу невыносимо было думать, что где-то будет расти его ребенок без отца. И мне, естественно уже не маленькой девочке, папа неоднократно говорил, что женился совсем без любви, только потом понял, какой Дуся хороший человек. Мама, конечно, чувствовала его отношение, поэтому постоянная ревность, упреки, скандалы. Ей было трудно одной в чужом городе, всю жизнь она тосковала по Сибири.

Другие дневники мне не попадались, я не замечала, чтобы отец их вел, но он много фотографировал, вставлял фотографии в альбомы, подписывал – своеобразная летопись. Позирования он не любил, выбирал порой самые неожиданные моменты. Фотографии в альбоме не всем нравились, не очень приятно видеть себя в нелепом виде, но вынимать и заменять фотографии отец не разрешал. В этих альбомах, как и в жизни, все рядом: свадьбы и похороны, веселые, улыбающиеся лица рядом с лицами грустными, плачущими. Больше всего застолий, именно в это время отец брал в руки фотоаппарат, но много и фотографий, где его ученики, сослуживцы, друзья и родственники. Здесь мы со Славой, начиная с самого раннего возраста, в самые разные периоды своей жизни.

Сначала отец работал финансовым инспектором, мама нянечкой в детской больнице. Но отец быстро доучивается в школе, оканчивает сначала учительский институт в городе, потом заочно педагогический институт. К тому времени, когда я ясно начинаю осознавать себя, он преподавал физику в школе на другом конце города, являлся завучем этой школы. Мама начинает заниматься своим образованием гораздо позднее, когда я уже становлюсь школьницей. Она завершает семилетнее образование и оканчивает заочный финансовый техникум. После этого она работает бухгалтером.

Я не ходила в детский садик, девочек-подруг у меня не было, если не считать Тосю – сестру одного из друзей брата. Росла я довольно слабой, болезненной, плохо переносила жару. Даже в бане не могла ходить в общее отделение, мне становилось там плохо. Из-за меня семье приходилось высиживать длинные очереди в «номера». Подвижные игры для меня тяжело, гораздо лучше посидеть с книгой. Мы с братом оба любили читать книги, иногда дрались из-за них, каждому хотелось первому прочитать новую интересную книгу. Я научилась читать вместе с братом, слушая, как он учит уроки, в пять лет записалась опять же с ним вместе в библиотеку. Тогда же и возникла моя странная для маленькой девочки мечта. Во всяком случае, на традиционный вопрос «Кем ты хочешь быть?» я уверенно отвечала: «Писателем!» Взрослые удивлялись, посмеивались, но переубеждать меня в этом возрасте не пытались. Книги я читала, конечно, детские, но иногда попадались и «взрослые», дающиеся с трудом. От них оставалось впечатление темноты в голове, я понимала, что знаю очень мало, хотелось узнать больше. Брат, когда я обращалась к нему с вопросами, чаще всего смеялся и начинал поддразнивать: «Не знает, не знает, даже этого не знает!» Сейчас думаю, что он и сам не знал, но таким образом отстаивал свое старшинство и превосходство. А я в результате стала бояться спрашивать, это потом сильно мешало мне во время учебы, но я искала ответы на вопросы опять же в книгах, часто находила, хотя и не всегда.

Любимыми авторами, как и у большинства детей нашего поколения, были Осеева, Носов, Гайдар, Катаев. Книг в доме было много, отец часто рекомендовал, какую книгу прочитать в первую очередь. Отца мы побаивались, хотя он никогда не кричал на нас, в отличие от матери. Мама кричала часто, но ее крики скорее раздражали, чем пугали. Причем мне часто доставалось за брата, он натворит что-нибудь и убежит, мать кричала на меня, а когда он появлялся, ее пыл уже проходил.

Наш город очень красив. Много старинных зданий похожей на Петербург архитектуры, с колоннами, куполами, лепными украшениями на фасадах. Так и говорят: «Вольск – городок, Петербурга уголок». Только в самом центре в сквере за площадью много лет стояли развалины большого здания. Нам объясняли, что здесь начинали строить театр, но не смогли достроить из-за ошибки архитектора. Вроде бы там грунтовые воды оказались слишком близко. Перед

развалинами поставили высокую каменную трибуну, с нее руководители города принимали демонстрации, проходящие на площади 7 ноября и 1 мая. Зимой в центре площади ставили большую елку, строили домики и горки из толстых голубоватых льдин.

Дом, где живет моя семья, располагался не в центре, но и не на самой окраине. До центра можно было дойти пешком или доехать на автобусе, который останавливался возле нашего дома. Два окна самой большой комнаты, зала, выходили на улицу с булыжной мостовой. Машин было не очень много, утром и вечером по улице гнали стадо коров, появлялись иногда обозы запряженных в телеги верблюдов. Впоследствии коровы и верблюды исчезли, машин стало больше, но район признали оползневым и движение по этому кварталу закрыли. Машины шли по другим улицам, спускаясь под гору мимо углового дома Тарасовых. Весь город на холмах, всюду подъемы и спуски.

Дом вроде бы считался одноэтажным, во всяком случае, на улицу выходили только окна верхнего этажа, внизу располагались кухня с русской печью и темный чулан с сундуками, набитыми старыми вещами, подшивками журналов и газет, старинными книгами с твердыми знаками и ятями. Для чего-то хранились прозрачный стеклянный револьвер с длинным, надколотым дулом, кувшин в виде медведя, также с разбитым горлышком. Здесь же лежали узорные керосиновые лампы на высоких ножках, самовары, тяжелые чугунные утюги, коробочки и шкапулки, пузырьки и флаконы.

За большой комнатой рядом друг с другом располагались маленькая спальня без окон и так называемая столовая, здесь семья собиралась за столом и здесь же стояли наши детские кровати. На стыке этих трех комнат узкая, высокая, до потолка печь – голландка. Родители спали в спальне, бабушка в следующей небольшой комнатке с окном во двор, отгороженной фанерной перегородкой от прихожей, в которой дверь в длинный коридор верхнего этажа с небольшим темным чуланчиком рядом с этой дверью. И в этой же прихожей люк с узкой и крутой лестницей вниз, на кухню. Боковые окна зала и столовой выходили в верхний коридор. Одна дверь этого коридора открывалась во двор, ей мы обычно и пользовались, а вторая, «парадная», открывалась на улицу и чаще всего запиралась длинным, толстым, железным крючком. На этом крючке можно было повиснуть и покачаться, если никто не видит. Еще один вход со двора вел в короткий коридор перед кухней. Из кухни наверх можно было подняться только по крутой лестнице, с которой мы неоднократно падали. Люк огорожен перилами с одной стороны, с другой – узкая полоса под подоконником, ничем не огороженная. Один раз бабушка поливала цветы на подоконнике верхнего этажа возле люка и, забывшись, шагнула назад в лестничный пролет. Конечно, сильно расшиблась и болела.

Из окон, выходящих во двор хорошо была видна Волга как раз в том месте, где в нее впадает Большой Иргиз.

Топили дровами голландку наверху и русскую печь на кухне внизу. В особо холодные зимы внизу ставили еще железную круглую «буржуйку».

Отец и мать целыми днями на работе, домашним хозяйством занималась бабушка. Она же сидела с нами маленькими, никаких отпусков по уходу за детьми женщинам не давали. Заканчивался послеродовой декретный отпуск, и нужно было выходить на работу. Отпускали только на несколько часов тех, кто кормил ребенка грудью.

О бабушке у меня воспоминаний мало, она всегда что-то делала и ворчала на нас с братом: «У других дети, как дети, а эти – черт знает что!». Ей действительно некогда общаться с детьми. Готовить надо в русской печи, управляясь длинными ухватками с тяжелыми чугунками. Воду надо носить ведрами из колонки на другом конце квартала. Стирают на стиральной доске в большом оцинкованном корыте. Летом нужно обрабатывать огород во дворе. Осенью солят в бочках огурцы, помидоры, капусту. Капусту в больших количествах рубят тяпками в деревянных корытцах. Еще бабушка успевает шить на зингеровской швейной машинке одежду для всей семьи. Я щеголяла в нарядных платьицах с рукавами-фонариками, в осеннем

пальто, украшенном вышитыми вишенками, в зимнем пальто с пелериной. Один год она жила у дочери в Средней Азии, где та работала медсестрой после окончания медицинского училища. Слава в это время уже училась в школе, а я оставалась дома одна.

Больше воспоминаний о бабушке Шура, которая жила в соседнем доме Тарасовых, и о семье ее старшего сына Геннадия, двоюродного брата моего отца. Они приезжали, обычно, летом. Узнав об этом от взрослых, я бежала к высокому крыльцу их дома и ждала, когда появится кудрявая смешливая девочка Наташа, моя троюродная сестра. Она выходила, и начиналось что-то похожее на праздник. Никогда ни с кем больше не получались у меня такие игры. Мы понимали с ней друг друга с полуслова, ее фантазия дополняла мою, и все вокруг преобразилось. Некрашенные половицы пола превращались в бушующее море, мебель изображала острова, а комод с фарфоровыми фигурками и нарядными флаконами становился экзотической страной. Передвигаться по комнате можно было только, перескакивая по стульям, табуреткам, половикам, чтобы не утонуть в «море». Наташа на год моложе меня, ее старший брат Володя на год старше моего брата, мы часто играли все вместе. У нас был свой «штаб» в пустом курятнике, маленький участок земли за сараем, где мы сажали все, что нам хотелось, вернее то, что могли найти в походах по оврагам и пересадить к себе. Была своя библиотека, и даже своя стенная печать. Одно из стихотворений, опубликованное в этой стенгазете, начиналось так:

Носятся по двору двое козлов —
Вова Тарасов и Слава Попов.
Мнут помидоры, ломают кусты
И нападают на огурцы.
А за ними мчатся козлята —
Девчонки и ребята...

Стихотворение было достаточно длинное, критическое и заканчивалось моралью, что хватит, наверно, тем козлам скакать, пора заняться делом. Наши родители тоже много времени проводили вместе. Вот так, двумя семьями, мы ездили за Волгу, ходили купаться на этот берег, бывали в городском парке, в гостях. В заборе между домами вынули две доски, чтобы быстрее попадать друг к другу, не выходя на улицу. Потом они все уезжали, я оставалась ждать следующего праздника. Иногда мне от Наташи приходили письма откуда-то с Севера, из городов, в названии которых был снег и иней – Инта, Ухта.

В доме за забором с вынутыми досками оставалась жить бабушка Шура, добрая, приветливая старушка. К ней я приходила с удовольствием. На детей она никогда не кричала, всегда находила нам какие-нибудь занятия: «А вы вот так поиграйте, именины кому-нибудь устройте». Даст нам вкусных кусочков, и мы стараемся, стол устраиваем, угощаем друг друга. Посадит нас у окна: «Посчитайте, сколько грузовых машин пройдет, сколько легковых, какого цвета». Один считает такие, второй – другие, выигрывает тот, кто насчитает больше за определенное время. Если мы слишком начинали шуметь, она предлагала сыграть в молчанку. Кто первый заговорит, тот и проиграл. Потом кто-нибудь начинал: «Вам барыня прислала туалет...» Сколько смеха и шуток вызывали все эти немудреные игры! А бабушка Шура сказки нам начнет рассказывать, небылицы смешные, про Пушкина, например, который сочиняет стихи для своей подруги:

Перед образом Крылова
Сидит рыжая корова
С бородавкой на носу,
Жрет чужую колбасу

Про барышень, не выговаривающих букву «л», которые встречают жениха: «Ира, Ира, ты забыла, что нам мама говорила, чтоб сидера и морчара, есри деро не твое!» Знала она этих сказок, историй и анекдотов великое множество. Иногда про жизнь свою рассказывала, иногда пересказывала прочитанные книги, читать в ее время немногие умели, а она научилась, хотя и не из богатой семьи. Можно было просто взять книжку и сидеть рядом, посматривая на ее всегда занятые вязанием руки. Вязала она, обычно, крючком из белых хлопчатобумажных ниток. Крючок в ее руках мелькал так проворно, сплетал такое множество разнообразных узоров! Рисунки для своих кружев бабушка Шура и сама придумывала, и перенимала, где только могла. Но этот же самый проворный крючок в моих руках становился непослушным, никак не хотел пролезать в петлю, нитка с него обязательно соскальзывала, из белой быстро превращалась в серую. Она посмеивалась, брала у меня вязание, и крючок снова становился послушным ее ловким пальцам, один из которых был как-то странно короче других. Я пробовала допытаться, почему он такой, но бабушка Шура не захотела говорить на эту тему, так я ничего и не добилась. На стенах висели картины. Один огромный холст особенно порадовал мое воображение. Тройка лошадей мчалась во весь опор, а на них нападали волки. Один уже вцепился зубами в шею крайней лошади, по шее текла кровь. В санях молодая женщина испуганно оглядывалась назад, прижимая к себе ребенка, мужчина погонял лошадей.

Однажды семья Наташи приехала, как всегда, летом, но в этот раз они не уехали, остались жить здесь. К нашим летним играм прибавились еще зимние. Вместе катались на лыжах, на санях. У нас были деревянные сани, в которые могли усесться сразу несколько человек, мы набивались в них большой кучей. Сани иногда опрокидывались, и вся наша куча с хохотом разлеталась по сугробам в разные стороны. Кончилось все неожиданно. В очередной раз мы с братом забежали за Наташей и Вовой, чтобы позвать их на улицу. Но вышла их мать и ледяным тоном заявила, что Наташа и Вова никуда не пойдут: «Если мы плохие, значит и наши дети плохие. Больше они с вами играть не будут».

Года два Наташа проходила одна мимо шумной стайки ребят, в которой была и я. Ребята порой подсмеивались над ней, кричали вслед что-нибудь обидное. Я всегда молчала и с тоской смотрела на худенькую прямую спину подруги. Потом ей, видно, разрешили подходить к нам на улице, но в наш двор Наташа никогда не заходила. Когда она подошла первый раз, я даже не сразу нашла что сказать. Позже мы признались друг другу, что очень скучали и нередко видели во сне, как снова играем вместе. Но прежняя дружба уже не восстановилась, что-то было утеряно безвозвратно.

Подробности того, что произошло тогда между нашими семьями, я узнавала постепенно, взрослея. Дыра в заборе была забита наглухо, и ничто уже не напоминало о том, что здесь был проход и тропинка. Дядя Гена с женой написали неисчислимое количество кляуз на моего отца и его сестру тетю Нину. По малейшему поводу и без повода. На его кляузы почему-то немедленно реагировали, и неприятностей они причинили немало. У нас проверяли каждую машину дров, каждую машину песка и камней во время стройки, когда подстраивали еще этаж к нашему дому для семьи тети Нины, вернувшейся из Средней Азии с мужем, падчерицей Юлей и их общим сыном Сережей. А после того, как умер от рака муж тети Нины, и она осталась одна с четырехлетним Сережей и Юлей, родственники Юли и всевозможные организации стали получать письма о плохом обращении мачехи с Юлей. Сообщалось, что мачеха ее плохо одевает, плохо кормит, заставляет нянчить своего сына. Тетю Нину постоянно вызывали на какие-то комиссии. Юлю забирали с уроков в школе, хотя она и так училась без особого энтузиазма, и начинали расспрашивать, сколько у нее платьев, что она ест, как проводит свободное время. Как-то тетя Нина встретила жену дяди Гены, спросила:

– Как же ты можешь такое писать? Ты у меня даже дома ни разу не была и ничего не знаешь.

– А мне и не надо знать. Я напишу, а тебе пусть нервы мотают.

Если в нашей семье или у меня лично случалась какая-то неприятность, я думала о том, как обрадуются этому Тарасовы. Ни отец, ни тетя Нина ни разу не пытались ответить им тем же оружием, а жалобы все продолжались.

А начался этот раздор, оказывается, с бабушки Шуры, так горячо мной любимой. Сына у нее было два – старший Геннадий и младший Борис. У Бориса детей не было, он жил с веселой, разбитной бабенкой в том же доме, где и Геннадий, им там отгородили небольшую часть. Он почти все время сидел в тюрьме. Выходил оттуда ненадолго и снова возвращался туда же. Жена не особенно скучала в его отсутствие. Работала она в пивной, поклонников у нее было множество, за них Борис ее «учил», приходя из очередной отсидки. Геннадий работал следователем на Севере. Когда был снят Берия, ему, видимо, пришлось уйти в отставку. Тогда-то они и приехали в наш городок на постоянное место жительства. Его жена Мария, сторонница твердого убеждения, что сор из избы нельзя выносить ни в коем случае, с бабушкой Шурой не поладила. Может быть, очень много было этого сора, который нельзя выносить. Она объявила мужу, что жить с его матерью не будет. Тот предложил матери перейти к Борису, то есть в единственную крохотную комнатку к развеселой снохе. Бабушка Шура, такая всегда кроткая, покладистая, на этот раз почему-то не согласилась и подала в суд. Мои родители, бабушка и тетя Нина выступили свидетелями на стороне бабушки Шуры. На суде Геннадий достал длинный список и перед притихшим в изумлении залом начал зачитывать все согрешения своей матери. И такая она, и сякая, и булочки она как-то приносила с хлебокомбината своим внукам (его детям!). Я помню эти булочки – крохотные, словно игрушечные, насытиться ими было невозможно, но есть очень интересно. Приносила она их редко и только по одной – Наташе с Вовой и нам с братом. Что было еще в этом списке, я не знаю, но суд все-таки присудил бабушке Шуре остаться у дяди Гены, его обязали выделить ей комнату.

Комнату ей выделили, только жить там она не смогла. Снимала квартиру, потом жила у Бориса. Борис продал свою часть дома и купил небольшой домик-развалюху напротив, на другой стороне улицы. В этой развалюхе бабушка Шура доживала свои последние дни, здесь и померла. Умирала бабушка Шура долго и трудно. Уже когда жила у младшего сына, сломала ногу, перелом плохо срастался. Ходила она с трудом, потом и совсем перестала ходить. Лежала целыми днями одна в комнате с закрытыми ставнями. Борис где-то гулял, жена к тому времени от него уже ушла. Он приходил пьяный, тяжело плюхался на кровать, прямо на ноги матери и начинал ее охалить. Ни дядя Гена, ни его жена здесь не появлялись. Похоронил ее, правда, дядя Гена. Опутал могилу колючей проволокой и больше туда ни разу не пришел. Тетя Нина с Сережей сняли проволоку, поставили небольшой простенький памятник.

Узнала я и секрет короткого пальца на руке. Что-то рассказала моя мать, что-то тетя Нина, что-то я сама прочла в дневниках своего дедушки. Бабушку Шуру (для него, конечно, просто Шуру) он любил. Наверно, она была красивая, что-то от ее красоты сохранилось и в старости. Привез ее сюда из деревни брат моей бабушки, за которого она вышла замуж совсем молоденькой. Вскоре муж умер, она осталась вдовой. А перед смертью муж попросил зятя (моего дедушку) не оставлять Шуру одну, помогать ей по хозяйству. Он и помогал. Дома рядом, управится у себя и к Шуре – дров наколоть, воду принести. А она добрая, ласковая, поблагодарит и посмотрит глазами своими лучистыми. Уйдет Тимофей в рейс со своей поездной бригадой, а глаза эти в пути догоняют, улыбаются, словно обещают что-то... В письмах же совсем другое: «Ты пишешь, что я для тебя словно солнышко, но ведь у тебя жена, дети. Подумай, Тимофей...» Однажды Зина решила посмотреть, как муж помогает Шуре по хозяйству. Тихо поднялась по ступенькам крыльца, а они стоят за дверью, обнявшись, губы слились в долгом поцелуе.

– Бог в помощь вам! Хорошо вы дрова колете.

Тимофей ничего не сказал, а Шура отпрянула от него, сбежала во двор, схватила топор, ударила по своему пальцу.

– Кровью своей клянусь, не будет больше этого!

Ничего больше и не было. Ходила чужая, молчаливая, взгляда не встретишь, и не пытайся. А вскоре сосватали Шуру. Тимофей в очередном рейсе был. Приехал, узнал эту новость, да на том же поезде обратно, куда глаза глядят! Соскочил на ходу, покатился с откоса кувырком, прижался к земле и плакал, плакал, как ребенок.

У моей бабушки с бабушкой Шурой всегда были хорошие отношения, никаких обид и размолвок между ними я не замечала.

К домашним работам нас со Славой обычно не привлекали, справлялись сами. В четвертом классе у нас был субботник по уборке классной комнаты. Нужно было отчистить панели и парты, помыть полы. С панелями я как-то справилась, а вот полы... Моя очень аккуратная мама не доверяла мне это занятие: «Чего она там намочит! Она и тряпку-то как следует, не сумеет выжать!» Короче, навозюкала я поперек половиц, только грязь размазала. Учительница в ужас пришла. А одна из одноклассниц припечатала: «Белоручка!»

Домой я пришла в слезах. Отец постановил, что отныне я буду мыть полы. Мать сопротивлялась, но бабушка встала на сторону отца: «Я сяду на табуретку и буду выжимать ей тряпку. Пусть моет!» С этих пор мытье полов и уборка в комнатах стали моей постоянной обязанностью. Брата это не касалось: «Он мальчик, а ты девочка». Поэтому он любил прошлепать в башмаках по свежевывытому полу. Еще хорошо сесть в кресло и не уходить: «Пусть лазает подо мной».

Летом мы с братом с утра уходили на Волгу и пропадали там до позднего вечера, ненадолго забегая домой, чтобы перекусить. Купались до синевы, разводили в жару костер на берегу, чтобы согреться. Этот неповторимый запах Волжского берега! Ни с чем не спутаешь. Плутаешь по узким кривым улочкам, и вдруг разом перед тобой открывается широкая водная гладь, а ноздри трепещут от удивительной смеси запахов смолы, речной свежести, медового аромата мелких, белых, невзрачных цветков. Эти цветы я видела только на берегу, и только они могли источать такой сильный и тонкий ни на что не похожий запах.

А вообще где нас только не носило! Одно из любимых мест – узкий бетонный мост без перил через речку Нижнюю Малыковку рядом с кожевенным заводом. С одной стороны глубокая темная вода, с другой – высокая отвесная стена. Вода струйками стекает со стены, внизу зловонная зеленоватая тина. А мы на спор ходили по этому мосту в любое время года, зимой на лыжах. Тося упала с моста в воду осенью. Вытащили ее за капюшон пальтишка и быстрее с ней, намокшей, домой.

Иногда мальчишки не хотели брать меня с собой: «Тебе туда нельзя, ты девчонка!» Тем более, если они собирались ехать куда-то на велосипедах, а велосипед у нас со Славой один на двоих. Но я их упрашивала, они меня брали, везли по очереди на багажниках велосипедов.

2. Отец

Отец занимал особое место в моей жизни. Возможно, ему действительно было проще со мной, чем со Славой, я спокойнее, послушнее, не отказывалась вставать в четыре утра и ехать с ним на рыбалку, я могла часами молча сидеть на берегу озера, глядя на застывший поплавок. Озер и речушек мы обошли и объехали великое множество. Сначала на велосипеде, я сидела на раме впереди отца, на раму накручивали какую-нибудь тряпку, чтобы было мягче сидеть. Позднее появился мотоцикл, маленький, маломощный К-58, «козлик». Переправлялись на пароме или катере на другую сторону Волги, а там ехали полевыми дорогами к озерам, благо их было много, и находились они сравнительно недалеко друг от друга. Если плохо клевало на одном озере, переезжали на второе, третье. С отцом мне было легко, он был всегда спокоен, доброжелателен, подробно отвечал на все мои вопросы. С ним даже молчание не тяготило, чувствовалось его понимание, тепло.

Первое время я соглашалась ехать, чтобы не обидеть отказом отца, но постепенно стала замечать, как красиво смыкаются аркой ветви деревьев над дорогой, уходящей вглубь леса, как чиста и прозрачна вода в озерах и речках, какие яркие, душистые цветы встречаются на полях и лужайках. Рассвет мы встречали то на Волге, переправляясь на другой берег, лучи ложились на воду золотистой дорожкой; то в горах на этом берегу, мы поднимались вверх, прямо к разгорающемуся розовому диску солнца. Часто ехали просто «куда глаза глядят», по еле заметным тропинкам. Наткнулись как-то на лося, он постоял перед нами, не спеша повернулся и удалился в лес. Иногда уезжали на катере по Иргизу, шли пешком. Идти было трудно, высокая, жесткая трава, мокрая от росы, больно резала ноги, но я молчала, не понесет же меня отец на руках. Некоторые озера располагались возле деревень, деревенские дети с любопытством смотрели на нас. Разница между городом и деревней тогда еще чувствовалась – другая одежда, другие стрижки, прически.

На одном из озер мы жили несколько дней всей семьей вместе с семьей друга отца. Ночевали в брезентовых палатках, сделали из веток деревьев шалаш для продуктов. Здесь, в тихой воде без течения я научилась плавать, впервые почувствовала, что вода меня держит, можно не бояться.

Купили первую лодку, старенькую, просмоленную, без кабинки и с мотором в три лошадиных силы – «тройкой». Она подтекала, под стланиями набиралась вода, ее отчерпывали ковшиком, но лодку можно было привязать к кустам или поставить на якорь, и рыбачить прямо с нее. Деревянные лодки, «гулянки», более тихоходные по сравнению с «Прогрессами», «Казанками», но зато такие надежные, устойчивые, а если еще и с кабиной, то настоящий плавающий дом, в котором можно и спать, и есть, и загорать, и играть в карты. Его можно запереть и бродить по берегу в поисках грибов, ягод, в нем можно укрыться от дождя. Вот только на стоянке нужно следить, чтобы «гулянка» не билась о другие лодки, чтобы не захлестнуло волнами, не сорвало якорь. На Волге, за Волгой прошли у меня лучшие дни и часы детства, юности. Много ездили и по лесам.

Но перед тем, как мы купили свою лодку, были выезды с непонятно откуда взявшимся знакомым отца на его лодке. Тогда я в первый раз увидела, как можно рыбачить с лодки, привязываясь к росшим из воды кустам или просто бросая якорь на не очень глубоком месте. Старичок этот, хозяин лодки сначала показался таким добрым, приветливым. Причаливали к берегу, разводили костер, кипятили чай, заваривая его кусочками свежих яблок. Для меня это тоже было внове, мы так не заваривали. Он как-то пригласил нас с Юлей одних съездить искупаться на пляж, родители отпустили, мы поехали. Купались, загорали. Перед отъездом домой стали прополаскивать и выжимать купальники, присев в воде, мы всегда так делали. Как вдруг уплыл мой купальник, не представляю. Пришлось надеть халатик на голое тело. Стеснялась, конечно,

казалось, что что-то там приоткрывается, но такого пристального внимания со стороны старичка я никак не ожидала. Он ведь даже старше моего отца, высохший, сморщенный, совершенно лысый. Ребятишки, смеясь, дразнили его «лысой курицей». Я такого никогда не позволяла, мне постоянно внушали, что старших нужно уважать, слушаться, не влезать в разговоры старших.

А потом начались приставания. Его старческие, неприятно дрожащие руки вдруг оказывались на моих ногах, талии, лезли под юбку, когда он оказывался рядом в лодке, и отец не смотрел в нашу сторону. Сначала я стеснялась говорить об этом родителям, думала, что сама каким-то образом спровоцировала эти приставания, взяла тот же уплывший купальник. Потом все-таки сказала матери, она отцу. Тот не поверил: «Да ты что, ей всего двенадцать лет». Он, оказывается не только ко мне приставал, но и к Юле. Только Юля была смелее, могла оттолкнуть его, крикнуть что-нибудь обидное, я не могла, слишком сильно было внушение об уважении к старшим. Как-то этот старик явился, когда дома никого не было, стал приближаться. Я попыталась убежать, но он схватил меня, прижался своим слюнявым ртом к моим губам. Я вырвалась, оттолкнула его, отбежала на безопасное расстояние и потребовала, чтобы он ушел. Ушел, но окончательно перестал появляться в нашем доме только после того как Момотко рассказали отцу о том, что это Повольнов (надо же, такая красивая фамилия) был судим за приставания к малолетним, приставал даже к своей дочери, сидел в тюрьме, и надо держаться от него подальше.

Я росла молчаливой, замкнутой, болезненно застенчивой, пожалуй, даже боялась людей, но в глубине души гнездилась уверенность в каком-то своем особом предназначении, избранности, и отец это убеждение всячески поддерживал. Нет, он никогда не хвалил меня в глаза, у него имелись свои представления о воспитании детей, но в своей компании, подвыпив, любил рассказывать о том, какая я необыкновенная, а я из соседней комнаты это слышала. Иногда взрослые просто говорили при мне, считая, что я еще маленькая, это не должна понимать.

Так в чем же избранность? Училась я неплохо, но не более того. В начальной школе была отличницей, потом ограничивалась тем, что не допускала «троек» в четверти. Читала все время очень много и наполовину жила в своем выдуманном мире с вымышленными героями. Окружающий мир казался порой слишком жестоким и несправедливым, а там всегда можно было позвать на помощь своих героев и восстановить справедливость. О своем будущем не слишком-то задумывалась, была уверена, что живу в самой гуманной стране, все дороги впереди открыты, разумеется, все будет хорошо и прекрасно. Втайне я считала себя красивой, слышала, как отец хвалил меня перед знакомыми. Говорить об этом прямо считалось недопустимым, девочка должна быть скромной, неприлично крутиться перед зеркалом, кокетство – большой недостаток, это нельзя. Но я могла рассматривать себя на фотографиях, сравнивать с другими девочками. О внимании мальчиков я тогда просто не думала, они для меня были всего лишь товарищами по детским играм.

Иногда отец брал меня к себе на работу. Первый раз я попала к нему в физический кабинет еще маленькая, ничего не зная о такой науке, и стояла, как замороженная, разглядывая множество непонятных приборов. Особенно меня поразили прозрачные, сверкающие круги с наклеенными пластинками. Крутишь ручку, круги вращаются, и между двумя блестящими шариками с треском пролетают искры. Я с нетерпением ждала, когда у нас начнут преподавать физику, но тем не менее первая моя отметка по физике была «двойка». Меня спросили совершенно неожиданно по такому материалу, который я думала и учить-то не надо – введение в физику. Потом были в основном «пятерки», но не могу сказать, что физика сразу стала моим любимым предметом. Я с большим интересом прочитала «Занимательную физику», «Занимательную астрономию» и «Занимательную механику» Перельмана, но на школьных уроках порою просто было скучно. Литература нравилась, читала по-прежнему очень много, но уже

понимала, что для того, чтобы быть писателем одного желания недостаточно. Нужен талант, а есть ли он у меня? Скорее всего, нет.

Приезд в родной дом тети Нины со своей недавно созданной семьей и возвращение в дом матери семьи Геннадия происходит примерно в одно время. Конфликт между нашей семьей и семьей Геннадия возникает вскоре после этого.

Зимой мы живем все вместе в большой тесноте. Восемь человек с трудом размещаются на верхнем этаже, бабушке ставят кровать внизу, рядом с русской печью. Там же за большим обеденным столом собирается вся семья, наверху для этого места уже не хватает.

Нам с Юлей по десять лет, Сереже всего несколько месяцев. Мы с Юлей с одного года, но у нее день рождения в декабре, она учится на класс младше. Тете Нине за тридцать, Сережа у нее поздний и единственный ребенок.

Юля учится слабо, читать не любит совсем, ее заставляют из-под палки. Одну книжку про приключения Травки, которую я глотаю за два дня, она мусолит несколько месяцев.

С наступлением тепла сразу же начинается стройка. Строить что-то в те времена невозможно трудно. Никаких строительных материалов в свободной продаже нет. Их надо где-то «доставать», используя все возможные связи. Также надо договариваться о любых услугах транспорта. Вся тяжесть стройки ложится на плечи отца. Муж тети Нины ничем ему не может помочь в незнакомом городе. И со здоровьем у дяди Коли неважно, он очень быстро устает, обливается потом, начинает задыхаться.

Дом подняли домкратами, внизу вместо чулана и кухни сделали комнаты с таким же расположением, как на верхнем этаже. Только вместо комнаты с окном во двор и прихожей на обоих этажах сделали кухни с топящимися дровами плитами. Оставили небольшие коридоры, а для входа на верхний этаж сделали лестницу с двумя пролетами и площадкой посередине. Позднее отец закрыл ее крышей, получилась уютная застекленная веранда, а сначала лестница просто спускалась во двор, открытая всем дождям и ветрам. Выносили на свалку в большой, плетеной, двуручной корзине все эти разбитые кувшины, сувениры, коробки, пузырьки, флаконы.

Детей старались не трогать, два раза нас отправляли в пионерский лагерь, но на третий раз прислушались к моим возражениям против «ссылки», оставили дома. Много помогали дальние родственники, которые жили возле цементного завода «Большевик» и работали там же. Бабушке приходилось готовить на всю эту бригаду в русской печи, в огромных чугунах.

После завершения стройки бабушке предлагают выбрать, с кем она хочет жить, с сыном или дочерью. Она выбирает сына: «К этим детям я уже привыкла». Но прожила она с нами совсем недолго, умерла в одночасье из-за сердечного приступа. Вечером мы все занимались своими делами, играла негромкая музыка по радио. Бабушка прилегла на кровать в спальне и вдруг закричала: «Дуся, плохо мне!» Мама сразу подошла, прибежала тетя Нина, вызвали скорую помощь. Когда приехали врачи, бабушка была уже мертва. Это была первая смерть, которую мне пришлось увидеть.

Потом оказалось, что муж тети Нины болен раком горла, причем уже в последней, неизлечимой стадии. Он умер в сорок лет, оставив тетю Нину с четырехлетним Сережей и тринадцатилетней Юлей.

Один сарай становится тесен для двух семей. Отец отдает старый сарай тете Нине, строит для себя еще один так же из двух помещений. В одном помещении хранятся дрова, инструменты, в другом над погребом оборудуется комната. Здесь есть стол, кровати, шкаф. Погреб весной набивают снегом, который постепенно тает. Здесь хранятся все продукты, холодильников еще нет. Летом в этой комнатке прохладно, можно жить всей семьей, пока в комнатах дом белят стены, красят полы, стирают занавески и портьеры. На чердаках обоих сараев большие сундуки, в том числе перенесенные из чулана и чердака дома. В них вместе со старыми книгами

появляются подшивки журналов: «Юность», «Нева», «Волга», «Вожатый», «Пионер», «Техника молодежи», «Знание – сила». Здесь же посуда, которая не используется, сувениры, светильники. На чердаке сарая тети Нины мы с Юлей и Тосей натываемся на иконы в золоченых окладах, есть вышитые бисером. Мы с Юлей срезаем бисер лезвиями бритвы. Тося смотрит на это с ужасом, у нее бабушка верующая, но молчит. Родители не ругают нас за это, бисер ссыпают в мешочки и используют для вышивания. Бабушка, может быть, продолжает верить в бога, но религия в нашей семье под строгим запретом, отец коммунист, тетя Нина тоже.

В школе у меня долгое время не было ни друзей, ни подруг. Тем более мы со Славой по договоренности отца ходили не в семилетнюю школу, к которой относились по району, а в более отдаленную десятилетнюю. Многие девочки и мальчики уже были знакомы между собой, я здесь никого не знала. Я, привыкшая к мальчишечьей компании, не находила общих тем для разговоров с девочками, а мальчики в классе с девчонками не водились. С братом мы продолжали играть по-прежнему, но ходить со мной по улице он отказывался наотрез:

– Вот еще! Подумают, что я с девчонкой иду!

В школу я шла с неохотой, по обязанности. Там мне было скучно, особенно в младших классах, когда все узнавали буквы, учились читать, а я уже была записана в библиотеку

После смерти бабушки у родителей сформировалась компания друзей, с которыми они проводили все выходные и праздники. Учителя, врачи, инженеры – уважаемые в городе люди, можно сказать верхушка. Но я видела их с другой стороны, которая мне не очень нравилась.

Четыре пары являлись костяком, присутствовали почти всегда на всех праздниках, семейных событиях, да и просто так. Другие появлялись эпизодически, не всегда. К приему гостей готовились заранее, для них предназначалось все самое лучшее. Детей за стол не сажали, мы должны были отсиживаться где-то в уголке, не попадаясь на глаза взрослым. Но в доме у нас не было закрывающихся дверей, я, сидя в темной спальне, слышала, что происходит в соседней комнате. Чем дольше сидели взрослые за столом, тем веселее и громче звучали их голоса. Вскоре кто-то начинал рассказывать сальные анекдоты, сначала немного понижая голос, затем, забывая это делать. Включали музыку, танцевали. Наступал момент исполнения коронного номера, ближайший друг отца изображал танец на животе. Как он это делал, я, конечно, не видела, слышала только дружный смех. Ну, а когда все уходило, начинался «разбор полетов». Слава редко присутствовал на этих разборках, у него организовалась своя компания парней немного постарше его, родители не очень-то интересовались, где они проводят время и чем занимаются. У меня такой компании не было, я предпочитала сидеть дома с книгами, бегать просто так по улицам не хотелось, на каток я стала ходить позднее, уже в восьмом классе. Вот и наблюдала постоянные стычки между родителями, причем принимала, обычно, сторону отца. Мне казалось даже неприличным, так бурно проявлять свои чувства, тем более мать в выражениях не стеснялась, хотя до мата все-таки не доходила, этого отец вообще не выносил и никому не позволял.

Мать обязательно к кому-то ревновала, кричала, упрекала отца, он оправдывался, потом не выдерживал и убегал из дома. Тогда она бежала вслед за ним, звала: «Павел, вернись!». Когда я стала постарше, часто бежать приходилось мне, я догоняла его на улице, у реки, он плакал, говорил, что никто его не понимает, жить ему не хочется, жаловался на одиночество, я обнимала его, умоляла вернуться.

Я уже не бегаю с мальчишеской ватагой, но интереса к противоположному полу пока не появляется. Хотя я слышу, как Слава с друзьями обсуждают знакомых девочек, причем нередко со смехом, с подшучиваниями. Рассказывают про одну из девочек, что она позволяет катать себя на велосипеде и обнимать чуть ли не каждому.

От отца я слышу, что девочка должна уважать себя, нужно быть строгой с мальчиками, ни в коем случае не позволять себя унижать.

3. Школа

В шестом классе я первый раз влюбилась. Этот мальчик перешел к нам из другой школы, сразу стал обращать внимание на девочек, посылать всем записки на уроках. Я тоже получила записку: «Увы, я вас не знаю, но наверное вы хорошая». Впервые мне стало интересно ходить в школу, ведь там я увижу его. Дальше переглядываний дело, правда, не заходило, и гораздо больше внимания он обращал на других девочек, но моя влюбленность держалась достаточно долго. В этот же период у меня появились первые школьные подруги. Мы вместе держались на переменах, вместе шли домой после школы. Много болтали по дороге, и не последнее место в этой болтовне занимали отношения с мальчиками.

Отец перешел из школы в технологический техникум, также преподавал там физику и являлся завучем. Слава после седьмого класса (тогда еще была семилетка) поступил в этот техникум по специальности механика. Учился он слабовато, и это был скорее выбор родителей, чем его, механика ему совсем не нравилась, впрочем, как и остальные специальности, но надо же было хоть какую-то специальность получить.

Как-то Слава позвал меня на вечеринку в свою компанию. Собирались у одного из его друзей, взрослых дома не было. Все та же выпивка, потом танцы с прижиманиями и поцелуи где-нибудь в уголке. Я не пила, смотрела на них трезвыми глазами, все мне казалось диким. Ко мне подошел Толя Журов, мальчик, который жил недалеко от нас, на нашем квартале, но не входил в число моих детских друзей. Он пригласил меня на танец, после окончания танца подвел меня к дивану, а когда я стала садиться, неожиданно наклонился, коснулся губами моей щеки и сразу же убежал. Это был мой первый поцелуй, если его можно так назвать. Я успела только удивиться. Толя куда-то пропал, потом ребята сказали, что он спьянился и ушел домой. Больше я на такие вечеринки не ходила, только иногда становилась участницей, если собирались у нас дома.

Слава влюбился во время учебы в техникуме. Тогда он мне еще обо всем рассказывал. Приходил взволнованный, с горящими глазами, описывал свидания с ней, как провожал, как обнял в первый раз, а она повернула голову, и он встретил ее губы. Потом я увидела ее с ним на вечере в техникуме. Стройная, смуглая, темноволосая, с длинной косой, с небольшим аккуратным носиком с горбинкой, чем-то похожа на цыганку. Он не отводил от нее влюбленных глаз, а она смущенно опускала голову.

И вдруг ссора! Он увидел ее с другим парнем, они шли вместе, парень обнимал ее за плечи. Слава подошел к ней и на глазах у всех окружающих ударил ее по щеке. Позднее выяснилось, что этот парень был ее двоюродным братом, Слава просил у нее прощения, но она не прощала. Он ходил, как в воду опущенный, переживал, писал стихи:

Я, наверное, очень подлый,
Что, твоих избегая чар,
Я тебе, всегда такой гордой,
Столь жестокий нанес удар.

Пусть я подлый, пусть я жестокий,
Щеку судорогою свело,
Знаю я, что тебе быстроокой
Тоже очень сейчас тяжело.

Ни с кем другим он встречаться не хотел, для него никого не было лучше его Нади, а она равнодушно проходила мимо со стайкой девчат, кокетничала с другими ребятами, и в общем-

то совсем не переживала из-за этой размолвки. Наконец, после долгих уговоров сменила гнев на милость, стала опять встречаться со Славой, но тут он окончил техникум, и должен был ехать по распределению в Ташкент, а ей до окончания учебы оставался еще год.

Провожать его она пришла, даже письма писала, но верные друзья сообщали ему, что видели ее то с одним, то с другим. А тут еще и землетрясение в Ташкенте произошло, тоже не очень-то приятно. Кончилось тем, что он бросил свою трудовую книжку в Ташкенте и примчался в Вольск. Но вскоре окончила техникум Надя и также уехала по распределению в Казахстан. Около года они не встречались и не переписывались.

А я подружилась с Леной Поздневой, мы сидели с ней за одной партой, наша дружба сохранялась до конца обучения в школе. Девочка из очень интеллигентной семьи старой закалки. Ее дед – заслуженный врач РСФСР, офтальмолог, умеющий делать самые сложные операции. Бабушка – медсестра, мать – тоже врач-офтальмолог, медицинская династия. Лена учится игре на пианино, библиотека в их доме гораздо обширнее и полнее нашей. Благодаря Лене, у меня появляется интерес к стихам, я, как и она, завожу тетрадку, в которую выписываю наиболее понравившиеся стихотворения. В восьмом классе к нам с Леной присоединяются еще две девочки – Оля и Люда. Семилетку в это время заменили восьмилеткой, пробуют ввести одиннадцатилетнее образование с профессиональной ориентацией в старших классах.

Оля высокая, тоненькая со светлыми холодноватыми глазами. В нас есть что-то общее, иногда нас спрашивают, не сестры ли мы. Люда ниже, полнее, глаза большие, серые. Мы много болтаем, смеемся, иногда даже на уроках к неудовольствию учителей. Сравниваем нашу четверку с четверкой мушкетеров. Роли распределяются так: Лена – Атос, Люда – Портос, я – Арамис, Оля – Д'Артаньян. Кроме этого у каждой есть еще прозвище. Лена – королева Марго, Люда – Шарлотта. Олю на одном из школьных вечеров, на которые часто приглашали курсантов военного училища, курсант назвал Аэлитой в короне. Насмешница Люда тут же переделала это в «Аэлиту в коробке». Оле это не нравится, она сердится, когда ее так называют. Меня подруги окрестили именем героини романа Джека Лондона – Та, Что Грезит. Учатся все хорошо.

Мы вместе на всех переменах, на школьных вечерах, с ними я впервые начинаю ходить на каток, встречаться там с другими одноклассниками. Возвращаемся с катка большой ватагой. Мне идти дальше всех, меня провожают кто-нибудь из одноклассников или их друзей. Некоторые пытаются назначить свидание, но я не соглашаюсь.

С Юрой мы знакомимся на катке, он не имеет отношения к нашей компании. Сначала он мне даже вроде нравится, я разрешаю ему себя проводить, даю свой телефон. Но вскоре следует ссора. Он появляется на катке, когда мы уже собираемся уходить, пытается меня удержать, грубо хватая за руку. Угрожает Люде, считая, что это из-за нее я не хочу остаться. Такого отношения я не выношу:

– Да как ты смеешь! Я ни от одного мальчишки грубого слова не слышала! Кто ты такой? Не смей больше подходить ко мне и не звони!

Он звонит мне, извиняется, уговаривает встретиться, я не хочу ничего слушать. Весной он приезжает к моему дому, видит Юлю, подходящую к калитке, просит ее позвать меня, говорит, что он мой одноклассник. Я выхожу очень удивленная, никаких одноклассников я не жду.

– Что же мне перед тобой на колени встать? Что я должен сделать, чтобы ты простила меня?

Мне становится жалко его, я соглашаюсь встретиться. Ходим с ним в кино, гуляем в парке, на Волге. Он красив – высокий, светловолосый, с правильными чертами лица, с большими, зелеными глазами, девочки на него засматриваются. Но его совсем не интересуют ни книги, ни стихи, ни красота природы, говорить нам с ним не о чем. Целует он меня почти насильно, преодолевая мое сопротивление, мне не доставляют удовольствия эти поцелуи. Иду к нему с твердым решением сказать, что эта встреча последняя, больше я не приду, но снова жалею его. Мы ссоримся, он уходит, я вижу его с другими девочками, но снова следуют звонки.

– Не звони мне, что тебе, других девчонок мало?

– Других много, но ты одна.

И снова встречи, упреки:

– Я бы любил тебя, да ты меня не любишь.

Учится он в вечерней школе, работает на заводе. Перестает звонить только тогда, когда видит меня на катке с другими ребятами.

Читаю я по-прежнему очень много, мой любимый журнал «Юность», в котором в это время печатаются Аксенов, Солженицын, Анчаров, Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Ахмадулина и много других интересных авторов. Читаю книги Гладиллина, Кузнецова, Бондаренко, слушаю песни Пожлакова. Потом многие из этих авторов начинают исчезать в неизвестном направлении, и только через много лет я узнаю о судьбе некоторых из них.

.После окончания восьмого класса наша четверка разделилась: Оля поступила в медицинское училище, Люда – в технологический техникум, а мы с Леной пошли в девятый класс. Теперь с Олей и Людой я встречалась только на катке и на танцах. Лена здесь редко составляла нам компанию, но в школе мы, как прежде, сидели с ней за одной партой. В нашем классе половина учеников чертежники, вторая половина шоферы. Один день в неделю полностью посвящен профессиональной подготовке. Я вхожу в число чертежников, у Лены способностей к черчению нет, она специализируется на шофера. В других классах есть профессии швеи, кулинару и что-то еще подобное, не запомнила.

В десятом классе я влюбилась. Вышли с подружками из раздевалки на лед и сразу оказались в кольце смеющихся ребят. Один из них встречался с Олей, а других я не знала. Встретилась глазами с высоким красивым парнем, с самой белозубой улыбкой, и сердце предательски дрогнуло: «Неужели такие бывают!». Катались с ним, шутили, разговаривали, но провожать меня он пошел не один. Увязался еще другой парнишка из их же компании. Этот – невысокий, белобрысый с маленькими, близко поставленными черными глазками – «изюминками». Свой телефон я сообщила обоим, на свидание они пришли вместе. Так и встречались какое-то время втроем, позднее к нам присоединилась моя подруга и соседка Рита. Она жила недалеко от меня, но училась в другой школе на класс моложе меня. Ребята иногда провожали нас всей компанией, человек шесть, и обязательно среди них Саша и Юра. Нравился мне Юра, но не могла же я ему это сказать! А он вдруг не всегда стал появляться на катке, Саша провожал меня один.

В этот раз мы тоже шли все вместе. Я шла рядом с Ритой и Сашей, Саша нес мои коньки и молчал. Юра с друзьями, дурачась, то приближались к нам, то отставали, то забегали вперед. Когда они подходили, мы с Ритой разговаривали с ними, смеялись; они отходили, и мы замолкали. Саша мрачнел все больше.

Дошли до моего дома. Побаловались еще тут, с хохотом толкая друг друга в снег. У Юры совсем промокли ботинки, и, видимо, замерзли ноги. Он наклонился, нажал пальцем на кожу ботинка, из-под пальца выступила вода, дурашливо пропел:

Из-за тебя, моя черешня,
Ссорюсь я с приятелем,
Потому, что климат здешний
На любовь влиятельный.

Попрощался и ушел.

Саша стоял у калитки, не участвуя в нашей возне. На ногах у него были валенки. Он подождал, когда Юра с ребятами отошли подальше.

– Тебе Юра нравится?

– Да.

– Спокойной ночи!

Сунул мне коньки, повернулся и пошел совсем в противоположную от его дома сторону. К Волге? Я растерянно смотрела ему вслед, не зная, что делать: бежать ли за ним или уйти домой.

Зашла домой, села, не раздеваясь на табурет в кухне. Из глаз потекли слезы. Подошла встревоженная мать:

– Что с тобой? Обидел кто-нибудь?

– Хуже. Сама обидела.

На другой день я шла за лекарством в аптеку, встретила их обоих. Юра был весел, подошел, взял меня под руку, говорил что-то шутовское. Саша молчал. Я отвечала коротко, односложно, постаралась быстрее распрощаться и уйти. Не хотелось разговаривать ни с тем, ни с другим. Юра выглядит победителем, я призналась ему в любви, но нужна ли я ему на самом деле? Вряд ли, ведь он уступил с такой легкостью.

Но потом как-то так получилось, что когда Саша снова позвонил и попросил о встрече, я не смогла ему отказать. И услышав признание в любви, в ответ на вопрос люблю ли я его, ответила «не знаю» и позволила себя поцеловать.

Мне хорошо с ним, как с другом, он со мной заботлив, внимателен, но я с трудом переношу его объятия и поцелуи. Я его НЕ ХОЧУ! Это сейчас я могу произнести такие слова, в те времена говорить и думать об этом запрещалось. Наши встречи продолжались почти до конца десятого класса, отнимая у меня время, так необходимое для занятий. Телевизоры тогда были не у многих, у Саши телевизора не было. Иногда он засиживался у меня до поздней ночи, когда показывали прямые трансляции показательных выступлений фигуристов. Родители засыпали, а мы сидели перед телевизором, болели за любимых участников.

Решительный разговор произошел почти перед самыми выпускными экзаменами. Я долго и путано пыталась объяснить Саше, что лучше нам остаться друзьями, что он совсем не такой, какого бы мне хотелось встретить:

– Разве ты не видел, что я не люблю тебя?

– Как же я мог видеть, ведь я-то тебя любил.

Выпускные экзамены я сдала хорошо, «4» получила только по химии, остальные «5», но в аттестате были еще две «четверки» по истории (за девятый класс), по английскому, ну и химия, естественно. до серебряной медали не дотянула, хотя на факультете, который я выбрала, медаль мне вряд ли помогла. Там для зачисления надо было сдать на «5» математику письменно и устно, а письменно это мало кому удавалось. Большинство медалистов сдавали экзамены полностью, экзаменов тогда было пять: две математики, физика, сочинение и зачем-то химия.

Сильных увлечений, кроме литературы, у меня не было. Но закончив филологический факультет, я, скорее всего, стала бы преподавателем литературы в школе, этого я не хотела. На глаза попался справочник для абитуриентов Саратовского университета, именно туда я решила поступать. Кем мне предстоит быть после окончания физического факультета, я не совсем представляла, но точно не учителем.

Отец в это время уже работал директором центральной, самой престижной школы города. Мама плакала, просила не соглашаться, говорила, что у него опять совсем не будет свободного времени. Ему объяснили, что это решение партии, надо выполнять, но он и сам хотел попробовать себя на новом поприще. Свободного времени у него действительно стало очень мало, с работы он возвращался поздно, могли вызвать в выходные, отозвать из отпуска. Сильно уставал, стал чаще срываться. Характер у него такой же вспыльчивый, как у деда, но на работе он всегда держал себя в руках, никто не слышал, чтобы он повышал голос. Дома не всегда получалось. Мне тоже очень знакомо это чувство, когда в глазах темнеет от бешенства, и ты

способен на неадекватный поступок. Заметила это за собой я еще в раннем детстве, научилась сдерживаться.

Мама работала старшим бухгалтером в Госстрахе, но там были выявлены нарушения с нецелевым использованием денег. Маму уволили по статье, около года она нигде не работала, затем с помощью отца устроилась бухгалтером в городскую электросеть. От всех дальнейших повышений она упорно отказывалась.

Поехали с отцом подавать документы в университет. Выпуск в том году был двойной, отменили одиннадцатилетнее обучение, и выпускались сразу одиннадцатые и десятые классы. Я оканчивала десять классов, в нашей школе оказалось два выпускных одиннадцатых класса и три десятых. Университет поразил своей величиной, монументальностью. Красивой музыкой звучали непривычные слова: аудитория, деканат, курс, семинар, абитуриент. Это сейчас статус университета имеют многие прежние институты. Тогда университет был один далеко не в каждом крупном городе.

Готовиться к вступительным экзаменам я начала сразу после выпускных экзаменов в школе. Поселилась одна в комнатке над погребом в сарае, второе отделение в сарае предназначалось для складывания дров, позднее отец сделал там мастерскую, хранил все инструменты. Обычно мы жили там летом всей семьей во время ремонта в доме. Белили стены и красили полы почти каждый год. Собрала все свои учебники, тетради, отказалась от телевизора и радио, домой заходила только поесть. Самым трудным стал отказ от ежедневного чтения художественных книг. Заставляла себя думать только об учебе, но мысли приходили самые неожиданные. То стихи начинали складываться:

Сегодня мне семнадцать лет,
В жизнь предо мной дорога.
Сегодня мне семнадцать лет —
Так мало и так много.

Струится по стеклу вода,
Поют о чем-то скрипки,
Иные в эти же года
За Родину погибли.

Нет, мне весь мир не удивить,
Не сжечь синице моря,
Но я могла бы повторить
Клич Данко, смелым вторя.

А то вдруг необыкновенно пронзительно почувствовала ужас исчезновения. Странно и страшно стало: как же люди живут, не задумываясь об этом? Занимаются какими-то пустяками, мелкими склоками, «убивают время»

На вступительном экзамене по математике, пожалуй, «переумничала». Наслушалась рассказов о преподавателях, которые «заваливают» абитуриентов. Алгебраическая задача о движении пешехода и велосипедиста показалась слишком простой: не может быть такой в университете! В условии не было слова «одновременно», один из сдающих задал вопрос преподавателю, тот подтвердил, что хотя и не имеет права отвечать на такие вопросы, но движение начато одновременно. Я не поверила, решила, что специально запутывают. Тем не менее, при других условиях определенного решения не получалось. Провозилась с этой задачей, на дру-

гие просто не хватило времени. Расстроенная, даже не стала дожидаться официальных результатов, забрала документы и уехала.

Это был первый щелчок по моему самолюбию и по самолюбию отца, продолжавшего считать свою дочь самой лучшей и необыкновенной. Была возможность поступить в другой ВУЗ, но я не захотела. Отец устроил меня на работу к себе в школу лаборанткой физического кабинета, год я работала и готовилась к вторичному поступлению.

Я сильно изменилась за этот год. То ли на меня так подействовал мой провал, то ли я действительно почувствовала, что беспечное детство кончилось, я сама должна все решать и отвечать за свое будущее, но когда я встретила со своей школьной подругой Леной, поступившей в медицинский институт, мы не смогли найти с ней общий язык. Она осталась все той же беспечной школьницей, лишь пересевшей со школьной парты на студенческую скамью, а я уже работала и сознавала себя намного взрослее ее.

В работе не было ничего сложного: подготовить приборы для опыта, для лабораторных работ, навести порядок в шкафах, на полках, перемыть, если надо, лабораторную посуду. Учителя помогали мне, если я что-то не знала. Кабинет был оборудован достаточно богато по тем временам, о назначении некоторых приборов я могла только догадываться, кстати, и не все они использовались при демонстрации школьных опытов.

Отец научил меня обращаться с киноустановкой. Я сама ездила в отделение кинопроката, получала нужные документальные фильмы по заявкам учителей и показывала их на уроках. Помогала оформлять стенды, стенгазеты, альбомы – чертить нас на нашей школьной производственной практике все-таки научили. Отец требовал с меня очень строго: «Как это, я с других буду спрашивать, а со своей дочери нет!»

Большую часть времени я проводила в своем кабинете. Мне, вчерашней школьнице, было трудно свободно войти в учительскую и на равных заговорить с учителями. Еще с пионерожатами, куда ни шло. Как же я расстроилась, когда меня вдруг выбрали секретарем учительской комсомольской организации, где самая младшая была старше меня на четыре года! Я робко попыталась поговорить с ними о проведении подписки на газеты и журналы, но одна мне ответила, что у нее нет денег, другая заявила, что ей вообще не нужны ни газеты, ни журналы. А меня вызвали на заседание бюро в городской комитет комсомола и заставили отчитываться, объяснять, почему у меня так плохо обстоят дела с подпиской. Правда вместе со мной пошла старшая пионерожата Алла – веселая, боевая девушка. Отвечала на все вопросы в основном она, и, кажется, закончилось только тем, что их поругали за выборы такого секретаря.

Я занималась на вечерних подготовительных курсах политехнического института и самостоятельно решала много задач по математике. Здесь началось мое сближение с одноклассницей Галей Степновой. Она провалилась на вступительных экзаменах в медицинский институт. Работала на детской молочной кухне, мыла там бутылочки и также, как и я, готовилась к новому поступлению.

О мальчиках я старалась не думать, почти никуда не ходила, забросила даже каток. Но именно в этот год началась у меня дружба с Толей Журовым, тем самым, который когда-то меня впервые поцеловал.

Он пришел после Новогоднего праздника. Слава гулял где-то с друзьями, у родителей были гости, я сидела в своей маленькой комнате, читала книгу. Эта комната так только называлась, скорее это был просто закуток, отделенный от двух других комнат только занавеской. Шум компании мешал мне, я не могла сосредоточиться на книге, ждала, когда же они, наконец, разойдутся. Толя попросил родителей позвать меня. Я вышла очень удивленная. Он предложил погулять. Пошли по направлению к площади. Новый год в этот раз пришел на редкость теплый, по улицам текли ручьи, сугробы размокали и оседали.

Толя стал рассказывать как в Саратове, где он учился в художественном училище, к нему вдруг приехал один их друзей Славы, стал говорить о любви ко мне. Толя предложил ему

поединок, они дрались, победил в этой битве Толя и тем самым получил право ухаживать за мной.

Иду, молча, слушаю все это, интересно и странно: «Так вот как, значит, у них такие вопросы решаются. Мое согласие уже не требуется». Смотрю, он пошатывается.

– Да ты пьян!

– Нет, я немного.

А что там немного, повело его куда-то в сторону.

– Никуда я больше с тобой не пойду!

Развернулась и пошла домой, оставив его посередине улицы. Прошла несколько кварталов, слышу топот за спиной. Он бежал, не разбирая дороги. Ветка хлестнула его по лицу, оцарапала щеку.

– Галя, подожди!

Я остановилась.

– Я люблю тебя!

– Ты оцарапался, кровь...

Он стремительно бросился в обратную сторону. Я постояла немного, зашагала дальше, домой.

Вскоре в дверь постучали. Он стоял на пороге.

– Чай у тебя есть хотя бы?

– Садись, напой.

С той поры Толя стал приходить ко мне, мы разговаривали, иногда гуляли. О любви он больше не говорил, регулярных встреч не было. Толя рассказывал о себе, о своем увлечении живописью, я внимательно слушала. Он приоткрывал новый, почти неизвестный мне мир, и это было интересно. Я увлекалась стихами, переписывала в тетради те, которые хотелось запомнить. Иногда мне нравилась в стихотворении всего одна или несколько строк, но и это было находкой. Этими находками я делилась с Толей, в свою очередь, приоткрывая ему другой удивительный мир.

Способности к живописи у него действительно были. На его рисунках покачивались на волнах лодки у волжских берегов, отсвечивал солнечными бликами в промытых окнах дом на пригорке напротив дома Толи, кружились легкие снежинки в синеватых вечерних сумерках. В фигуре, выражении лица на портрете его матери было заметно, что ей нездоровится. Толя хорошо играл на гитаре и аккордеоне, научился сам, подбирая мелодии по слуху, без всяких нот. Он был младшим ребенком в большой семье. Все его братья и сестры были много старше его, давно обзавелись своими семьями. Отец у него умер, это было самоубийство, но о причине Толя никогда не говорил, я не спрашивала. Он жил с матерью, тихой, незаметной женщиной, говорил, что в семье его считают гадким утенком, слабым и безвольным. Художественное училище он так и не окончил. Несколько раз начинал учиться, бросал, возвращался. Его принимали, но он снова бросал учебу.

Мы встречались с ним на Волге, за Волгой, бродили по улицам, он приходил ко мне домой. Один раз сидели всю ночь за Волгой у костра, разговаривали, но он ни разу не сделал попытки обнять, поцеловать меня. Говорили о книгах, кинофильмах, художниках.

В это время у нас уже была большая деревянная лодка с кабиной. В нее умещалась вся большая компания отца, выходные летом они часто проводили за Волгой. Иногда лодку брал Слава, выезжал со своей компанией. Я присоединялась и к тем, и к другим. Вдвоем с отцом мы продолжали ездить на мотоцикле и на лодке. В кабине лодки можно было ночевать вдвоем и даже вчетвером, дополнительно брали с собой палатку. Некоторые из друзей отца подолгу жили летом с семьями в лагерях на Иргизе и на Волге, рыбачили, собирали грибы и ягоды, купались, загорали. Отец такую жизнь долго не выдерживал, в палатке не очень удобно, донимают комары. Но по два – три дня в лагерях друзей мы оставались.

В нашей семье не говорили с детьми о деньгах, считалось, что дети могут стать жадными от таких разговоров. Домашнее хозяйство вела мама, я очень редко ходила в магазины, не задумывалась, откуда что берется. Как-то очень удивилась, когда Толя упомянул о вкусных ребрышках, приготовленных его матерью, как о редком деликатесе. Я думала, что и в других семьях питаются так же, как у нас. Мой отец зарабатывал прилично по тем временам, к тому же помогал один из родственников, работавший заведующим магазином военторга. То есть у отца имелась возможность покупать по магазинным ценам вещи и продукты, являющиеся для всех дефицитом. В общем-то, я имела мало представлений о реальной жизни, видела мир через розовые очки, верила во всеобщую доброту и порядочность, меня слишком от всего огораживали. Толя называл меня тепличным растением.

4. Университет

Летом я вновь поехала поступать в университет. Приехали с отцом за месяц до вступительных экзаменов, отец снял мне квартиру, нашел репетиторов, которые помогали абитуриентам готовиться к экзаменам. С одним я занималась физикой, с другим математикой. Познакомилась с Ниной Фадиной, которая готовилась к поступлению тоже на физический факультет университета, иногда мы занимались с ней вместе у нее дома. Девушка с очень властным характером, школу она окончила с золотой медалью. Однажды мы с ней долго спорили из-за вроде бы ошибки в учебники физики. Мне с огромным трудом удалось ее убедить, что ошибки нет.

– Надо же! А учительница со мной согласилась.

– Да она просто устала с тобой спорить.

Конкурс на отделении радиофизики и электроники, куда мы с Ниной подали документы, был сравнительно небольшой – 2,5 человека на место, на других отделениях меньше, но это был конкурс медалистов, слабые ученики сюда не шли.

Сдала письменную математику на «4», устную на «5». На экзамене по физике я растерялась, обнаружив в задаче лишнее условие, но преподаватель отнесся ко мне лояльно, оценку снижать не стал, тем более математика письменно и устно была сдана хорошо. Были еще два экзамена по непрофилирующим предметам – сочинение и зачем-то химия, которая нам во время учебы ни разу не встречалась. Эти предметы я сдала на «4», сочинение писала на свободную тему. Я стала студенткой первого курса физического факультета Саратовского государственного университета.

С Ниной мы оказались в одной группе, девушек на нашем отделении было мало, тридцать из ста. Первоначальный состав нашей группы – двадцать парней и девять девушек. Потом состав менялся, после первой сессии отчислили шесть человек, но появлялись другие, те, что возвращались из академического отпуска. В этой группе у нас также образовалась четверка подруг, кроме нас с Ниной еще две девушки – Ира и Стелла. Все девушки, кроме меня, саратовские. Ира старше нас, поступила в университет после техникума, но по виду ничем не отличается, никто не верит, что ей уже 22 года. Мы держимся все время вместе, занимаем друг другу место на лекциях. Если кто-то из нас отсутствует, подруги подкладывают в тетрадь копирунку и пишут лекции в двух экземплярах. По одному из предметов у меня чуть ли не все лекции оказались написаны подругами. Я мучилась, разбирая их почерки, но зато сдала на «отлично».

Место в общежитии мне сначала не дали, наша семья считалась обеспеченной, я продолжала жить на той же квартире, в которой жила, готовясь к экзаменам. Вместе со мной жила студентка первого курса медицинского института. В ноябре мне предложили общежитие, поселили к пятикурснице. Некоторые студенты, особенно на старших курсах уходили на квартиры, сохраняя за собой место в общежитие. Поэтому в комнате, где числилось четыре человека, эта девушка жила одна. Меня она встретила не очень дружелюбно, сказала, что мне будет трудно с ней.

По дому я скучала немилосердно. Шумный, пыльный, суетливый Саратов мне не нравился. Раздражала толкотня, давка в транспорте, очереди в магазинах. За любым пустяком, даже буханкой хлеба надо было выстоять сначала длинную очередь к кассе, потом к продавцу. Не хватало теплой, ласковой поддержки отца.

К первому экзамену по математическому анализу решила готовиться дома, благо времени на подготовку давали по 9 – 10 дней. Да и к соседке—пятикурснице приехал муж. Им надо создавать условия, искать по другим комнатам где переночевать, в первую сессию только этого не хватало! Но не возражать же, нам тогда пятикурсники казались чуть ли не полубогами.

Математический анализ был самой трудной дисциплиной на младших курсах. Большинство студентов с физического факультета отчисляли именно из-за этого предмета. Навыков

по ведению конспектов у нас еще не было, только потом я научилась записывать за преподавателем подробнее и понятнее, ничего не сокращая. А вначале в моих тетрадях были только малопонятные значки без комментариев, которые я переписывала с доски. К тому же и эти тетради я потеряла, забыла в одной из аудиторий, переписывала лекции у других. А математический анализ с первой лекции ошеломил своей абстрактностью, искусственностью, множеством незнакомых обозначений. Уловить, по каким признакам можно допускать то или это я не смогла, казалось, что можно допустить или предположить все, что угодно. Попыталась просто заучивать, но это было почти нереально, тем более для меня, не привыкшей к зубрежке. А тут еще, когда надо было ехать в Саратов, начались снежные заносы, автобусные рейсы отменили, пришлось ехать на поезде через Аткарск 12 часов. Приехала измученная, не выспавшаяся, с полной «кашей» в голове и ужасом перед предстоящим экзаменом. Конечно, я его завалила, пересдавала после каникул.

Экзамены в университете сильно отличались от школьных и даже вступительных экзаменов. Надеяться на счастливый билет не приходилось. Ответ по билету был только началом разговора, потом могли попросить доказать любую теорему полностью, не ограничиваясь только формулировкой. Для хорошей отметки нужно было знать весь материал.

На танцы в общежитии я почти не ходила, иногда только соседка по комнате вытаскивала. Она училась в педагогической группе, диплом ей писал муж, на практику она ходила редко. Муж постоянно уезжал в командировки, она сидела в комнате и занималась своей внешностью. Такого количества косметики я никогда раньше не видела. Она пользовалась всем этим очень умело. Выглядела в результате на редкость эффектно, все сразу обращали внимание. Рост у нее средний, фигура не идеальная, но она натуральная блондинка, глаза большие, серые, красиво одета, подкрашена, причесана. Недостатка в партнерах на танцах она никогда не испытывала, а если кто-то начинал сильно приставать вытягивала руку с кольцом на пальце: «Мы замужем!» И я как-то, выходя из аудитории, услышала:

– Ничего девочка.

– Да что ты, она замужем.

Ну и ладно, меня это устраивало, я же учиться хотела, а с мальчиками еще успеется. У девочек нашего поколения мечты о семье, детях считались мещанскими. Мы должны были стремиться получить специальность, что-то там такое строить – материально-техническую базу коммунизма. Совмещать учебу на физическом факультете и семью было почти невозможно. В нашей группе только Нина вышла замуж после первого курса. Но она жила в Саратове, была дочерью офицера, то есть из обеспеченной семьи. Ее мать не работала, занималась домашним хозяйством. После рождения ребенка Нине пришлось взять академический отпуск, отстать от нашей группы. Потом, когда она стала продолжать учебу, во время сессии все заботы о ребенке брала на себя ее мать. Женились и выходили замуж студенты нашего факультета обычно в конце четвертого или на пятом курсе. Моему отцу как-то приснилось, что я выхожу замуж на третьем курсе, он проснулся в холодном поту.

Чтобы получать зачеты по физкультуре на младших курсах, нужно было либо посещать общие занятия, либо ходить в одну из секций. На первом курсе я записалась в лыжную секцию, она пользовалась большой популярностью в университете, здесь сложились свои правила, традиции. Большинство лыжников продолжали ходить в эту секцию и на старших курсах, хотя это было уже не обязательно, зачета по физкультуре на старших курсах не было. Многие тренировки вместо тренера проводили как раз студенты старших курсов, «старички».

В этой секции был очень хороший тренер, посвящавший своим воспитанникам все свое время. Надо отдать должное, многие из его заповедей запомнились мне на всю жизнь. Он учил стойкости, собранности, ответственности за свои поступки. Очень сердился, когда кто-то начинал оправдываться, жаловаться на недостаток времени: «Забудьте эти слова! Вы должны все успевать, надо только научиться распределять свое время правильно, не терять его зря,

не лениться». Сам он успевал очень много, вкладывал в свое дело всю душу. Ему писали бывшие питомцы, которые давно окончили университет, жили далеко от Саратова, он непременно отвечал каждому. Некоторые строки из этих писем он читал нам, радуясь за своих воспитанников, восхищаясь их изобретательностью. Многие из них сами становились организаторами спортивных секций на местах своей работы.

В письмах отца было то же самое: «Легко тебе в школе давалась учеба, слабовато, видимо, спрашивали, не научили много работать, но учиться этому нужно. Ничего тут особенно трудного нет. Но обязательно нужно научиться управлять своими чувствами и желаниями. Заниматься и тогда, когда не хочется. Подавить плохое настроение. Нужно почаще тренироваться в таких поступках, и результат будет обязательно. А еще необходимо более спокойно переносить все неприятности и неудачи. Их в жизни любого человека встречается значительно больше, чем хотелось бы. Философски подходи ко всем этим вопросам. И еще совет: никогда не жалеешь о прошлом – бесполезная трата времени, смотри всегда вперед, думай о том, что предстоит делать. Прошлое нужно использовать только как урок для будущего».

Но для меня лыжный спорт оказался слишком тяжелым. Особенно трудно давались подъемы, если по ровному месту я могла бежать легко и сравнительно долго, то даже при небольших подъемах начинала задыхаться, темнело в глазах, казалось, что меня оставляют последние силы, сейчас упаду. В конце концов, пришлось признать, что это действительно не для меня и перейти в секцию легкой атлетики. Тренировки здесь тоже были трудные, с большой нагрузкой, но проходили они на стадионе или во Дворце спорта, никаких подъемов.

Отказаться от чтения художественных книг я не могла, тем более в моем распоряжении оказалась такая уникальная научная библиотека. Она занимает третье место в Союзе по фонду имеющихся книг

С другой стороны открыла для себя Горького, не те его общеизвестные произведения, а пьесы, удивительные поэмы в прозе «Часы», «Человек».

«Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует – вперед! и – выше! – трагически прекрасный Человек!»

«И только Мысль – подруга Человека, и только с ней всегда он неразлучен и только пламя Мысли освещает перед ним препятствия его пути, загадки жизни, сумрак тайн природы и темный хаос в сердце у него».

Большое впечатление на меня оказывает «Очарованная душа» Ромена Роллана. С трудом удается получить ненадолго в читальном зале томик стихов Евтушенко, торопливо переписываю любимые стихотворения в свою тетрадь. Шли споры о физиках и лириках, а я зачитывалась стихами Цветаевой, Вознесенского, Васильевой, Злобиной, Асеева. Читала даже Бальмонта. В университете организовали факультет общественных профессий, я записалась на искусствоведческое отделение и с огромным интересом слушала лекции о живописи, о художниках и их картинах.

Я не сразу привыкаю заниматься, готовиться к семинарам и экзаменам в библиотеке, как делают большинство студентов университета. В библиотеке шесть залов, два самых больших, где предлагают заниматься студентам младших курсов, слишком шумные. Говорят все мало и тихо, но шум от шагов, постоянно кто-то заходит и уходит, подходит к полкам с книгами. Книги здесь в открытом доступе, но можно заказать и книги из других залов, хранилища библиотеки. Здесь всегда можно найти нужный учебник, обсудить непонятное место в лекциях с товарищем. Мне шум мешает, я не могу сосредоточиться. В комнате общежития, где нас уже пять человек, заниматься тоже невозможно. Из-за этого я около года живу на квартире у дальней родственницы, сохраняя место в общежитии. Но на третьем курсе я уже понимаю преимущество занятий в библиотеке, умею отключаться от окружающего. В сессию приезжаю к открытию библиотеки, чтобы успеть занять место в одном из удобных, тихих, небольших

залов. Сажу там до закрытия, обедаю либо в столовой рядом с библиотекой, либо в буфете библиотеки.

Физика мне нравилась, особенно раздел оптики, но настоящей увлеченности этой наукой у меня не было. Преподаватель, который вел практические занятия по оптике, умнейший, интереснейший человек с оригинальными методами преподавания, он оценивал студентов по собственной десятибалльной системе, сказал мне:

– Вы могли бы учиться только на «отлично», но не пойму, что вам мешает. Или у вас недостаточная трудоспособность, или не хватает любви к физике.

Мне не хватало и того, и другого, тем не менее, я уже училась вполне прилично, особых трудностей учеба не вызывала.

Из общественных наук мне нравится только диалектический материализм. Во всех других дисциплинах никакой научности я не вижу, но никто так рьяно не следит за посещением лекций и семинаров, как преподаватели этих наук. Если не выступаешь на семинарах, рассчитывать на хорошую оценку на экзаменах не приходится. Труды Маркса и Энгельса иногда вызывают интерес, но не те места, которые рекомендованы для изучения. Заучивать даты многочисленных партийных съездов и читать длинные пустопорожние доклады в газетах невообразимо скучно. Как-то мне попался старый учебник по истории КПСС. Этим участком руководил Троцкий, поэтому потерпели поражение, другим участком руководил Сталин, поэтому победили. В трудах Ленина сплошная злобная полемика с множеством неизвестных оппонентов. Меня выручает то, что я научилась быстро конспектировать на лекциях и использовать эти конспекты при выступлениях на семинарах и при подготовке к экзаменам. Особенно хорошо помогает, если сдаешь экзамен тому преподавателю, который читал лекции.

На ноябрьские праздники на втором курсе я приехала домой, брат пригласил в свою компанию, в кавалеры мне определили Толю Журова, по его инициативе, надо думать.

Слава тосковал по Наде, стихи стал читать:

Дайте водки, на сердце камень,
Выпью стакан до дна.
Почему не приходит прекрасная дама,
Где же она?

Надоело казаться сильным и дерзким,
Циником и наглецом.
Мне б до шепота снизить голос резкий,
Мне б в твое заглянуть лицо.

Водки ему дали и неоднократно. Я пыталась останавливать, но где там! Это только масла в огонь подливало. К концу вечеринки назюзюкался основательно, идти домой без меня боится. Отец и ударить мог, тем более если сам выпивши, мать он отшвыривал, только я могла его остановить, меня он никогда пальцем не трогал. А Толька тоже выпил, кричит: «Какой же ты друг! Я ее так ждал, хочу проводить!» С кулаками идут друг на друга. Меня уже трясет, слезы по щекам текут. Еще один их друг вышел: «Кто Слаvinу сестренку обижает?» Ударил Анатолия, тот упал, с трудом поднялся и ушел. Мы со Славой домой отправились, он останавливается, кричит что-то. Хотела плюнуть и уйти, тогда он утихомирился, добрались до дома. Родители еще не пришли, все мирно обошлось, только я наутро ни Славу, ни Анатолия видеть не хотела.

Родители собирались все той же компанией, но добавились новые друзья Борис и Нина Ужинские. Они работали на Крайнем Севере, заработали деньги на кооперативную квартиру и приехали в Вольск, где жила мать Нины Георгиевны. Борис стал преподавать физику в школе

отца, Нина математику в школе ближайшего друга отца. Примерно в это же время появляются новые соседи с другой стороны дома, дальше от угла, по странному совпадению тоже Тарасовы.

У отца не складываются отношения с руководителями районного отдела образования, особенно с бывшим директором школы, которую теперь возглавляет отец. Возможно, это ревность, но еще отец слишком прямолинеен, неуправляем. Он не соглашается менять расписание так, как удобно дочери одного из руководителей, но неудобно учителям. Отказывается написать хорошую характеристику сынку другого руководителя, «Подумаешь, без тебя обойдемся, другие напишут!» Отец просит отпустить его назад в техникум, там как раз освободилось место завуча, которое отец занимал до работы в школе. Его не отпускают.

Я уехала в Саратов, а вскоре получила письмо от Толи:

«Я вот подумал, подумал и выдумал, что будто бы ты на меня (как бы это покрасивее выразиться-то) духовно совсем даже положительно влияешь. А раз ты на меня положительно влияешь, то ты мне друг. Ну, а раз ты на меня положительно влияешь и мне друг, то тогда и я тебе, значит, тоже друг. А раз ты на меня положительно влияешь и мне друг, и я тебе тоже друг, то, отсюда, значит, мы с тобой друзья. Так это или не так? По-моему, не смотря на свою умственную отсталость, я здесь поразительно логично вымыслился. Ты тоже так думаешь? Ну вот и прекрасно! Буду ждать твоих писем».

Стали переписываться. Кроме его писем я получала письма от одноклассницы Гали Степновой, которая в том же году, что и я, поступила в медицинский институт в Перми. Мы с ней встречались во время зимних и летних каникул, когда обе приезжали домой

5. Володя

Надя проработала год в своем Казахстане, приехала в Вольск в отпуск. Не знаю, где они встретились со Славой, наверно, ему сказали, что она приехала, и он пошел к ней.

Надя выслушала все его признания и предложила пожениться. Причем свадьбу она хотела как можно быстрее, Слава боялся, что она передумает, и тоже торопился, а родители, возможно, надеялись, что, женившись, Слава перестанет увлекаться выпивкой. Отец воспользовался какими-то старыми связями, попросил сократить срок ожидания до двух недель вместо месяца. У меня заканчивались каникулы, я осталась только на первый день, который гуляли в нашем доме. Родственников с обеих сторон набралось человек 60, как они только там втиснулись, не представляю. Нам с Юлей места не хватило, мы сиротливо постояли на кухне у окна, потом спустились вниз, к тете Нине.

Надя совсем не была похожа на счастливую невесту, сначала даже плакала, а потом под села к своим подругам и хватанула рюмку водки «для храбрости». Ребята потеснились, освободили нам место, мне удалось втиснуться на уголочке, посидеть немного с ними.

Ночевали мы у тети Нины, освободив верх молодым. Утром Слава сидел с затуманенными глазами, ласково прижимал Надю к себе, а она отодвигалась от него, отворачивалась. В доме невесты я не гуляла, уехала в этот же день в Саратов, все остальное знаю только из рассказов матери.

Надя забеременела сразу после свадьбы, но ребенка почему-то не хотела, порывалась сделать аборт, ее отговорили. Она глотала постоянно какие-то таблетки, сильно нервничала. Свадьба была в феврале, а ребенок родился в начале сентября, с наполовину синим лицом, Надя сказала, что ее сильно толкнули в автобусе. Ребенок прожил всего 12 часов и умер.

После они пытались разводиться, Надя уходила к своим родителям, возвращалась, опять уходила.

А я на третьем курсе вдруг влюбилась. На мальчиков я старалась не смотреть, на танцы в общежитии не ходила, но один раз соседки по комнате затащили меня на танцы. Я так стремилась приобщиться к культуре областного города, ходила в театры даже одна, если не находилось спутников. И в этот раз я слушала в одиночестве оперу «Царская невеста». Видела ее до этого по телевизору, но впечатление от спектакля на сцене даже близко нельзя сравнить с телевизионными впечатлениями. Вот такая я и появилась в «Красном уголке», в белом платье, с распущенными волосами, с блестящими от недавних переживаний глазами. Сначала со мной немедленно захотел познакомиться знакомый моих соседок из юридического института, протянул руку: «Дима!», и тут же пригласил танцевать. Станцевали один танец, потом другой, он прижимал меня все крепче и крепче, я пыталась отстраниться, потом сказала: «Вы, конечно, сильнее, но танцевать так с вами я не буду!». Он пробурчал что-то обиженное и отошел, но тут же меня пригласил следующий «юрист», подвыпивший, такой же развязный. Я вырвалась и от него, стала пробираться к дверям, подняла глаза, встретила с открытым, доброжелательным взглядом, владелец взгляда слегка улыбнулся, шагнул ко мне, я доверчиво положила руки ему на плечи, у меня появилось чувство, что встретила старого, доброго знакомого. Он танцевал легко, не пытался прижимать, спросил, на каком курсе я учусь и живу ли в этом общежитии. Вечер заканчивался, объявили последний танец, мы вышли вместе с ним из «Красного уголка», поднялись на наш четвертый этаж, остановились у окна. Он сообщил, что учится тоже на третьем курсе, но на географическом факультете и отслужил в армии. Живет в Энгельсе, поэтому не всегда ночует в общежитии. Внешне он чем-то похож на моего брата Славу, только повыше, покрепче, мне с ним удивительно легко и просто. Я не отстранилась, когда он ласково привлек меня к себе, отыскал мои губы. Этот поцелуй не был похож ни

на один из прежних, я испытала ни с чем несравнимое наслаждение. Он с легкостью поднял меня на руки:

- Давай я донесу тебя до твоей комнаты.
- Ну что ты, я тяжелая.
- Как тебя зовут?
- Галя. Запомнил?
- Что ты, на всю жизнь!

Долго лежала без сна, переживала новое для себя удивительное чувство, как будто меня несло куда-то, покачивало на теплых волнах. Звали мое неожиданное чудо Володей.

Вроде бы вот она – неземная! Все также ходила на занятия, тренировки, но перед глазами постоянно его лицо, волосы. Волосы у него густые, волнистые, узкие полоски бакенбард на висках. А какие сильные руки! Он высокий, крепкий, массивный, но походка легкая, идет почти неслышно. Хочу, чтобы все время прижимал, целовал, но когда его руки становятся слишком настойчивыми, отстраняюсь:

- Не надо!
- Боишься?
- Да, боюсь.

Нет, нет, все это будет, конечно, только потом, после свадьбы. Так приятно представлять себя в белом платье, а он выносит меня на руках из ЗАГСа. Уплываю в свои мечты, застываю с блаженной улыбкой на лекциях, семинарах. Вот уже преподаватель на семинаре по математической физике смотрит прямо на меня и объясняет только мне, как самой тупой, наверно.

В тот вечер в общежитие приехал университетский оркестр с концертом. Володя зашел часов в семь. Я лежала на кровати в бигуди, он открыл дверь без стука, увидел меня, сказал что-то вроде «О, черт» и закрыл. Я вскочила, вышла к нему, спросила, собирается ли он идти на вечер. Он вроде бы пообещал и ушел. Я была уверена, что он переоденется и зайдет за мной. Ждала долго, не дождалась, спустилась в «Красный уголок» одна, его там не было.

Концерт закончился, начались танцы. Меня приглашали, но я танцевала с неохотой, все время смотрела на дверь, ждала, что войдет он. Несколько раз выходила, поднималась по лестнице мимо его комнаты, сначала в комнате горел свет, потом там стало темно. Ко мне снова пристал женатый юрист, который на предыдущих вечерах все приглашал меня в ресторан. Володи не было. Я ушла в свою комнату, села на кровать и чуть не плакала, мне было очень плохо.

Как во сне я вышла в коридор, дошла до лестничной площадки между вторым и третьим этажом и остановилась там, опираясь на перила. Не помню, сколько я так стояла, глядя на дверь его комнаты, войти к нему я никогда бы не решилась. Вдруг мне показалось, что он прошел по коридору, я чуть не бегом помчалась в свою комнату через третий этаж. Нина подтвердила, что он действительно только сейчас заходил, она сказала ему, что я в «Красном уголке». Видимо, он прошел по четвертому этажу.

Я снова побежала в «Красный уголок», встала у двери, пытаюсь его увидеть. Я не думала о том, что я делаю, все совершалось помимо моей воли, как во сне. Не увидев его, я снова вернулась в комнату и решила ждать.

И он пришел. Я бросилась ему навстречу: «Ну, где же ты был!?» Он объяснил, что играл в карты в пятом общежитии, здесь у него нет костюма, ему было неудобно появиться на танцах в домашней одежде.

Мы сидели с ним в коридоре, на выставленной кем-то старой кровати. У него болела голова, я обхватила его за шею, гладила его волосы. Он снова рассказывал про дом, про сестренку, которой шесть лет...

Мы не договаривались о новых встречах, я ждала его постоянно, но даже представить не могла, что могу позвонить сама, попытаться найти, спросить, когда он придет. Он появлялся, когда мое ожидание становилось окончательно невыносимым.

Он кажется мне таким сильным, уверенным, мне хочется верить, что я нашла долгожданную поддержку, похожую на поддержку отца. У него специальность геоморфолог, похоже на геологию, только изучают строение земли. Он показывает фотографии с практики, где он сидит на земле перед цветком в снегу. Так красиво и романтично! Мне с ним легко, его поцелуи мне приятны, хочется, чтобы он целовал еще и еще.

Но я не могу с ним встречаться слишком часто, учеба на нашем отделении очень напряженная. Даже по сравнению с другими отделениями нашего факультета, не говоря о других факультетах и институтах. Большое количество практикумов, физики знают, что это такое. Отчитываешься по теории, затем выполняешь работу, оформляешь – тетрадка с формулами, графиками, выводами. Каждый график и каждый вывод надо объяснить. Те, кто вылетал за неуспеваемость с нашего отделения, шли в другие институты и учились там на повышенную стипендию. В нашем студгородке, где были общежития других факультетов и других институтов, в сессию играла музыка, студенты гуляли. Все, кроме нас и разве еще мехмата. Вплоть до четвертого курса.

Кроме того я продолжаю ходить в секцию по легкой атлетике, возвращаюсь с тренировок поздно, очень уставшая. Я захожу в сборную университета по легкой атлетике, участвую в соревнованиях, но призовых мест, обычно, не занимаю, не хватает спортивной злости, желания непременно победить. Володя говорит: «Свалился тебе, как снег на голову. Физик! Электронщик! Женись на такой! Это уходишь в экспедицию – пачки писем, а их будут пачки, потому что почта работает нерегулярно. Возвращаешься – куча сплетен». Откуда такое представление о женщинах-физиках, с которым я встречаюсь у многих, я не знаю. Считается, что это обязательно рестораны, поклонники и прочее. Может быть, сыграли роль книги и фильмы тех лет.

А потом началась сессия, я уезжала на весь день в библиотеку, в общежитие возвращалась поздно вечером, пытаюсь еще что-то доучивать. Володя не появлялся, и я считала, что он готовится к экзаменам дома, это гораздо удобнее, чем в общежитии.

Сессия закончилась, я уехала на каникулы.

Одна из наших родственниц развелась с мужем, вышла замуж за другого и уехала к нему в Волгоград. В Вольске у нее осталась кооперативная квартира, ее отец попросил моих родителей пожить пока там. В доме остались Слава с Надей, а родители переехали в эту квартиру. Первое чувство, когда они сообщили мне об этом – как будто я осталась без дома, мне некуда больше ехать. Тем не менее, каникулы в квартире я провела совсем неплохо, мне выделили свою комнату, в дом я ходила в гости к Славе и Наде. Настроение было приподнятое, радостное, думала о Володе с уверенностью, что он также помнит и думает обо мне.

Вернулась после каникул в Саратов, начались обычные занятия, Володя почему-то не приходил. Потом пришел около часа ночи. Я уже легла в постель, но вскочила, оделась, вышла к нему. Он обнял меня, увел в свою комнату, принес откуда-то бутылку красного вина, мы выпили ее вместе с его другом, потом он проводил меня до комнаты, целовал, говорил ласковые слова. И вдруг на следующую ночь...

Ночь была кошмарная. Меня било, как в лихорадке, и, казалось, отовсюду кричало: «Ложь! Ложь!» К горлу подступали слезы, я задыхалась, кусала губы, но глаза были совсем сухие.

Я проснулась оттого, что вошел Володя и сел на мою кровать. Я не удивилась, не возмутилась, просто открыла глаза и смотрела на него, хотя времени было, наверно часа четыре.

– Мы только приехали из города.

– Кто вы?

– Наша компания. А почему у вас никого нет?

Я приподнялась, посмотрела. Нинина кровать была пустая, другая Нина так закрылась одеялом, как будто на кровати тоже никого нет.

– Не знаю, были все.

Он засмеялся. И тут я услышала голос Галки:

– Что же это такое, спать не дают! Днем не могут наговориться! Есть у тебя жена, вот и иди к ней!

Я не поняла.

– Галка, что ты говоришь? Ты думаешь это кто?

– Думаю, что Вовка.

Это было, как гром с ясного неба, эти слова звучали чудовищно и нелепо. Но я продолжала ничего не понимать.

– Кто это выступает? – спросил он.

– Это Галка. У тебя есть жена?

Я спросила это в шутку, в полной уверенности, что он засмеется, скажет: «Да ты что!» Но я не получила ответа на свой вопрос. Нет, я и сейчас еще не могла ничего понять.

– Иди спать, Володя. Сколько же времени? Ведь действительно очень много.

– Сейчас.

В дверь заглянули Нина и Сережа. Нина вошла, увидела Володю, как-то боком смущенно повернулась и вышла.

– Ну, иди же, Володя.

– Сейчас.

– И чтобы это было в последний раз.

– Что в последний?

– Ночью.

За ним закрылась дверь.

– Галка! Почему ты сказала так, Галка, про какую жену ты говорила?

– Я видела его в сессию с девушкой. Было видно, что они в близких отношениях. Да и так, неужели не ясно, неужели он не пришел бы, если бы никого не было? И на остановке я его видела еще когда, а тебе он вчера сказал, что первый раз в общежитии.

– Почему ты не сказала мне сразу, Галка?

– Я не думала, что у тебя так серьезно, хотела сказать ему самому. Да не переживай ты так! Не свет же клином на нем сошелся!

– Как же верить после этого людям?

– Нельзя же всем не верить из-за одного.

Я молчала и изо всех сил кусала губы, чтобы не разреветься. «Значит еще и так!» – вертелось в голове. Какой глупой и наивной я была! Как бы мне хотелось, чтобы он пришел и сказал: «Это неправда, я люблю только тебя!». Но он не придет, не скажет, к сожалению, я все больше и больше убеждаюсь, что это правда. Нужно было быть очень сильно ослепленной, чтобы ничего не замечать. Я не обвиняю его, я все еще люблю его, только он мне дорог и желанен. Во всем виновата я сама.

На следующий день он не появлялся. У нас в комнате долго лежала кассета от его магнитофона, я попросила парня с нашего факультета, который жил рядом с комнатой Володи, передать ему ее. Пришел он снова через день после нашего ночного разговора.

В дверь постучали. Я сразу узнаю этот стук – резкий, требовательный, так стучит только он. Я вышла, посмотрела на него холодно, почти враждебно. Он взял меня за руку:

– Пойдем. Знаешь, возьми кассету.

– Зачем она мне?

– Пусть, надо будет снова магнитофон привезти.

Что он говорит? Зачем это? Мне все казалось, что он может развеять все мои сомнения, и все будет снова хорошо.

– Тебе отдали? Вчера ты был дома?

– Да, вчера я был здесь. Понимаешь, у меня такая система, тебе правильно сказали – я женат.

Все. Теперь все ясно. Куда же он ведет меня? Мне еще только хотелось знать, с первого дня он меня обманывает или нет.

– Как же это так, Володя? Ты давно ее знаешь?

– Да нет, так это все получилось...

Как получилось?! Как?! У меня сердце разрывается на части, а он спокоен, весел.

Мы входим в его комнату, со мной здоровается его друг, тоже Володя, предлагает присесть. Я послушно сажусь. На другом конце стола какая-то девчонка. Володя выходит, а «мой» (если бы мой!) Володя тоже садится за стол.

– Так вот, Ниночка, это Галка.

Вот такая это девчонка. Я знаю ее, да, конечно, знаю по лыжной секции. Высокая, сильная уверенная. У нас никогда не было никаких стычек, но я не любила ее почему-то за один вид, не подозревая, что она встанет на моей дороге, почти ненавидела. Володька! Мне было бы намного легче, если бы это была кто-нибудь другая.

– Мы, кажется знакомы?

– Да, по лыжной секции.

– Мне кажется, мы еще где-то встречались. Ты была в спортивном лагере?

– Да, в этом году.

– А в прошлом?

– Нет.

Я отвечаю резко, зло. Она спокойна? Чуть-чуть дрожат губы, но только чуть-чуть. Ей ли бояться меня. Володька пытается завести разговор, начинает читать вслух что-то из книги. Зачем это, зачем? Он думает, что можно быть вот так втроем, ничего особенного не произошло?

– Я пойду.

Я поднимаюсь.

– Сиди, что ты!

– Конечно, ни читать, ни говорить не можешь. (Это говорит Нина).

– О чем же говорить-то?

Я выхожу. Володька идет за мной: «Я пойду, Нина, ладно?» Я быстро поднимаюсь по лестнице, за спиной его шаги. Он догоняет меня, пытается обнять, я резко отталкиваю его.

– Давно вы женаты?

– Нет.

– Когда мы познакомились, ты уже был женат?

– Нет.

– Когда же?

– Когда расстались.

– В сессию.

– Да.

Мы останавливаемся у окна. Он снова пытается обнять меня. Для него все это шутка! Я отталкиваю его с силой, со злостью.

– Ну что ты, Галка?

– Ничего, теперь буду знать, что можно еще и так.

Он что-то бормочет.

– Послушай, но ведь заявления подают за два месяца, как же можно так сразу?

– Можно за неделю.

– И со второй, и с третьей так?

– Нет!

Это он говорит серьезно, а, может быть, только делает вид.

– Правда?

Он кладет мне руки на плечи.

– Просто пришел в общежитие, и уже тянет. Да не плачь ты, не плачь!

Он сжимает мои руки, опускает голову.

– Чего ты хочешь?

– Прости меня.

Я молчу, пытаюсь освободиться.

– Прости!

Прощу ли я? Я сама во всем виновата, могу ли я на тебя сердиться, я люблю тебя.

– Обещай мне, что ты не будешь плакать. Обещаешь?

– Да.

– Я никогда не забуду тебя.

– Я тоже.

Все. Я закрываю дверь, сажусь на кровать и уже не пытаюсь сдерживать слезы, только рыдать не надо. Я кусаю губы. Слезы текут, но не приносят облегчения.

Расспрашивая девушку из нашей группы, продолжающую ходить в лыжную секцию, о его жене, я узнаю, что летом в спортивном лагере она вела себя так, что ее за разврат выгнали из секции. Многим покажется странным, но мне от этого делается еще тяжелее. Для меня любовь – желание счастья любимому человеку, пусть даже не со мной.

Жизнь продолжалась, я также ходила на занятия, занималась спортом, записалась на лето в строительный отряд. Исчезло только настроение радостной приподнятости, желание летать, как на крыльях, погас огонек в душе. Не знаю, в чем я обвиняла себя, наверно, в том, что не смогла заслужить любовь Володи, тогда я еще думала, что любовь можно заслужить.

Слава в очередной раз разругался с Надей, взял отпуск и предложил мне съездить с ним в Москву, ни он, ни я там ни разу не были. Отправились на самолете, налегке. В гостиницах мест для нас, разумеется, не нашлось, но у вахтеров имелись адреса квартир, где можно остановиться. Бродили по Кремлю, побывали в Третьяковской галерее, хозяин квартиры даже сумел организовать нам посещение Оружейной палаты. Слава потом с гордостью рассказывал, как ему удалось обуздать женщину – не дал мне зайти не в один из магазинов. Устали от множества впечатлений и уехали домой.

Один из друзей Славы предложил ему завербоваться на строящийся цементный завод в поселке Теплоозерск в Хабаровском крае. Он уехал один, но через некоторое время Надя отправилась к нему. Мне она позднее объясняла, что на работе на нее стали, как на проститутку смотреть, поэтому она решила отправиться к мужу. Там они получили квартиру, устроились, там у них родился Максим.

Отец взялся за благоустройство дома. Провел водопровод, подключился к воздушной ветке газопровода, до этого газ привозили в баллонах. Сделали пристройку к дому, где установили автоматический газовый котел, теперь дом отапливался газом. В этой пристройке отец стал печатать свои фотографии, поставили там стол, газовую плиту, ванну. Все это требовало денег и одной неизменно твердой валюты, измеряющейся в полулитрах. Самогон гнали тоже в пристройке. Тете Нине кто-то объяснил, как нужно ставить самогон, она показала отцу. Теперь они за ужином частенько доставали бутылку, наливали по рюмочке. Я испугалась:

– Папа, что же вы делаете, к этому так быстро привыкают!

– Ну, у меня же есть сила воли, как только что-то почувствую, сразу брошу!

Один раз, приехав домой на выходные, я становлюсь свидетелем отвратительной сцены. Отец с матерью в очередной раз ссорятся, он убегает, она ползет за ним на коленях, хватается за ноги. Он вырывается, уходит, мама падает на кровать, говорит, что ей очень плохо, просит вызвать скорую помощь. Я звоню, бригада приезжает, и говорят мне: «Что вы нас вызываете? Вам в вытрезвитель звонить надо». Утром другого дня я в бешенстве выливаю самогон из многочисленных графинов, пытаюсь разбить самогонный аппарат. Но аппарат восстанавливают, производство самогона продолжается. Мама объясняет мне: «Как же мы прекратим? Денег хватать не будет!»

Меняется и облик города. На месте развалин в сквере за площадью уже с одной стороны был построен кинотеатр, теперь с другой стороны строится трехэтажный универмаг. Каменную трибуну убирают, делают встроенную площадку на фасаде универмага.

Летнюю сессию на третьем курсе я сдаю хорошо, некоторые зачеты и экзамены даже досрочно, чтобы успеть уехать в строительный отряд. В стройотряды ехать престижно, берут не всех, только сильных студентов, «хвостистам» туда попасть лучше не пытаться. В стройотряде можно заработать за лето хорошие деньги, особенно в тех, которые посылают в Сибирь. Наш стройотряд едет в Саратовскую область строить в селе элеватор для зерна.

В нашем строительном отряде много участников туристической секции. Собираются вечером после работы в саду школы-интерната, где нас поселили, поют песни под гитару, танцуют под магнитофон. Песни я слушаю с удовольствием, но когда начинаются танцы, ухожу. Перед глазами лицо Володи, мне не нужен никто, кроме него.

Дома на летних каникулах после стройотряда я встречаю в парке Юру, самого первого парня, к которому я пришла на свидание, с которым я встречалась в школе, но не любила его. Он не живет в Вольске, приехал на похороны отца. Юра вдруг предлагает мне стать его женой: «Ты учишься, я работаю, я помогу тебе». Чего бы проще, ведь мне все равно никто не нужен, но жить с человеком, которого не люблю, я не смогу. Я отказываюсь.

Начинается учеба на четвертом курсе. Я уже вроде бы забываю о своих переживаниях, вытягиваюсь в учебу, даже хожу на танцы.

А потом вдруг начались звонки. Телефон стоял на первом этаже, на вахте, подзывали к телефону те, кто проходил мимо проходной. Меня вызывали днем, вечером, ночью. Иногда я узнавала голос Володи, но чаще говорил кто-нибудь из его друзей, болтали всякую ерунду, передавали привет от бабушки, ночью заявляли, что к телефону меня требует муж. Я перестала подходить к телефону, тогда стали вызывать девчат из моей комнаты. Одной он назвался, сообщил, что звонит Володя и хочет встретиться именно с ней, а я с ним «по-свински поступила». На меня эти звонки действовали очень сильно, вернулись все воспоминания, вскоре я уже не могла думать ни о чем другом. Тогда я написала записку с просьбой о встрече, попросила знакомую девушку с его факультета передать ему эту записку. Я злилась, хотела потребовать у него, чтобы он прекратил звонки. Девушка объяснила, что он на грани отчисления, приехал с практики, но не появляется на занятиях второй месяц. Записку она передала, но он пришел не сразу. Я встревожилась, ожидание стало вообще невыносимым, я уже устала думать как я его встречу и что скажу, лишь бы пришел.

А когда он, наконец, пришел, я, забыв о своей злости, бросилась ему навстречу с желанием обнять, прижаться, но он слегка отстранил меня, вошел в комнату, сел за стол, стал выкладывать какие-то документы. По его словам он только приехал с практики, ни про какие звонки не знает, он не звонил. На утверждение моей соседке по комнате, что она узнала его голос, отвел глаза и опустил голову. Острижен наголо (в то время стригли наголо 15-суточников, тех, кто попадал в милицию за хулиганство), взгляд жесткий, незнакомый. Открыла его паспорт: «10 февраля 1971 зарегистрирован со Свешниковой», он накрыл мою руку ладонью, взглянул на тетради на столе:

– О, у тебя конспекты по политэкономии есть, я буду к тебе приходить за конспектами.

– Не надо ко мне приходиться, Володя, и если ты знаешь, кто звонил, скажи, чтобы не звонили больше!

Он резко встает, выходит, сильно хлопнув дверью. Трудно описать мое состояние в этот момент, давно мне не было так плохо. И тут я сделала огромную ошибку, написав письмо домой и попытавшись описать свое настроение. Привыкла доверять отцу, искать у него совета, но здесь он не сумел меня понять, и начались несколько месяцев сплошного кошмара. С Володей я еще встретила, он рассказал об измене жены, она чуть ли не со дня свадьбы переписывалась с кем-то, уезжала к кому-то, пока Володя был на практике. Рассказал, что он разводится с женой, живет пока у друзей в общежитии. Он ее не очень-то и обвиняет, говорит, что у нее и мать такая же, постоянно вокруг нее мужчины. О том, что ее выгнали из лыжной секции, он не знал, конечно, она не стала рассказывать о таком. Я тянулась к нему, но прежнего доверия не было, он вел себя как-то непонятно, обвинял всех женщин, я в ответ доказывала, что мужчины не лучше. Он звонит, предлагает встретиться, я почти соглашаюсь, но вспоминаю о его обмане и резко бросаю трубку. И забыть не могу, и простить не могу.

А дома родители вновь и вновь спрашивают о Володе, отец требует, чтобы я не встречалась с ним ни в коем случае, мать обвиняет меня в том, что я разрушаю его семью. Как будто семьи разрушаются снаружи, а не изнутри. Бывает, конечно, и такое, но хорошую, крепкую семью вряд ли разрушишь.

Пыталась не думать о нем, только ничего в голову не шло. Даже учеба. Один зачет только с третьего раза сумела сдать, раньше такого не было.

У меня началась аритмия, останавливалась вдруг на дороге и начинала, как рыба, хватать ртом воздух, задыхаясь от внезапной боли в сердце, врачи посоветовали лежать, избегать физических нагрузок, но нужно было сдавать сессию. К одному экзамену подготовилась лежа, другой перенесли на февраль, после каникул.

Подруги в группе замечают, что со мной творится, стараются поддержать. Ира рассказывает о своем печальном опыте, когда ей пришлось расстаться с любимым человеком. Узнала, что он встречается с проституткой, и не смогла простить.

6. Болезнь. Толя

В летнюю сессию произошел срыв. Зачеты были сданы почти все, но учиться я больше не могла. Бросила все и уехала домой. Тетка сказала, что отец поехал ко мне в Саратов. Я бежала по улице, надеясь успеть застать его на речном вокзале. Не успела. Он вскоре вернулся. Состояние у меня было ужасное. Часто трясло мелкой дрожью, и я совсем не могла спать.

Отцу предложили проконсультироваться с пенсионеркой, бывшим психиатром. Она спросила:

– Не хочешь жить?

– Не хочу.

Та сказала родителям, что учиться я не смогу, нужно обращаться в психиатрическое отделение. У нас и сейчас пациентов этого отделения считают ненормальными, сторонятся их, тогда тем более. Клеймо на всю жизнь. Одну ночь я провела в этом отделении, маленьком, переполненном, почти без удобств. Утром врачи согласились отпустить меня домой под наблюдение родителей, выписав нужные лекарства.

Таблетки лежали кучкой на серванте, я выпила их все. Упала, потеряв сознание, потом встала, добралась до кровати. Сильно хотелось спать, а родители теребили, что-то спрашивали. Я сказала, что выпила таблетки и попросила оставить меня в покое. Вызвали Скорую помощь, отец нес меня на руках. Промывали желудок. Потом дали направление в психиатрическое отделение при больнице Саратова. Туда помещали немногих, в этом отделении проходили практику студенты медицинского института. Они подходили, расспрашивали, мне было тяжело говорить с ними. Из их преподавателей запомнились двое. Один молодой, нагловатый, циничный спросил:

– Вам было бы легче, если бы та, на которой он женился, была лучше вас?

– Да, легче.

Большинство девушек признались, что порадовались бы тому, что она хуже них. Второй пожилой, седоватый попросил ответить всего на один вопрос:

– Как вы себя чувствуете сейчас?

– Смеяться не хочется.

Одна из девушек удивилась:

– Но, если смешно?

– Мне не кажется смешным.

Больные самые разные. Одна из женщин, преподаватель института, рассказывала о голосах, которые звучат постоянно у нее в голове. Каждая лекция давалась ей с большим трудом, каждый раз волнение, как перед премьерой. С родственниками встречаться не хочет, гневно обвиняет брата в том, что он «сдал» ее сюда. Еще одна, преподаватель школы, в сильно возбужденном состоянии. Падает на пол, пытается затянуть полотенце на своей шее, кричит: «Это что еще такое!» На следующий день она уже спокойна, как со стороны говорит о своем состоянии. У одной сильная истерика, вызванная приемом каких-то препаратов для похудения. Одна сильно озабочена своей внешностью, шрамом на руке. Она вроде бы заядлый театрал, ходит на все спектакли, знает многих артистов. Но интересуется ее не игра артистов, а их внешность, личная жизнь. Бывшая балерина на балерину совсем не похожа, крепкая, коренастая, сильно развиты икры ног, на спине незаживающая рана. Еще одна узколобая, с гладкими, стянутыми в хвост волосами озабочена серьезной «проработкой» произведений Ленина, Маркса, Энгельса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.